

INSPIRIA

ЛАЙЗА ДЖУЭЛЛ

Один дом
Две семьи
Три тела

ОПАСНЫЕ СОСЕДИ

«Захватывающее,
атмосферное,
увлекательное
чтение»
Меган Миранда

 INSPIRIA

Лайза Джуэлл

Опасные соседи

Серия «Ток. Триллеры Лайзы Джуэлл»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66484613
Опасные соседи: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-159239-4*

Аннотация

Гипнотизирующий, мрачный и совершенно гениальный роман от признанного британского автора Лайзы Джуэлл.

Роман попал в список бестселлеров авторитетного издания Publishers Weekly и был отмечен критиками как «динамичный и загадочный».

Лайза Джуэлл – один из самых известных авторов Великобритании. Ее произведения – признанные бестселлеры, в которых органично сочетаются лучшие качества романтической, психологической и городской прозы, написанной с присущим англичанам тонким юмором и умением закрутить сюжет не хуже Агаты Кристи.

«Смерть светской львицы и ее мужа в результате группового самоубийства. Дети-подростки пропали без вести. Маленький ребенок найден живым. Боже правый, что произошло?» – такой загадкой открывается новый психологический роман Лайзы Джуэлл, одной из известнейших писательниц Великобритании.

«Захватывающее, атмосферное произведение, от которого невозможно оторваться». – Меган Миранда, автор бестселлера «Фрагменты прошлого»

«У Джуэлл отличный темп повествования. История поражает сюжетными витками и ложными ходами, которые только разогревают интерес». – Booklist

«Леденящий душу отличный психологический роман». – Washington Post

«Увлекательно и непредсказуемо – до последней страницы!» – Bustle

Содержание

Часть первая	7
1	7
2	13
3	20
4	25
5	38
6	43
7	47
8	53
9	59
10	67
11	69
12	81
13	89
14	98
15	108
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Лайза Джуэлл

Опасные соседи

*Эта книга с любовью и благодарностью
посвящается моим читателям*

Lisa Jewell
The Family Upstairs

* * *

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © Lisa Jewell 2019

© Бушуева Т., перевод на русский язык, 2021

* * *

Я бы покривил душой, возмись я утверждать, что до их появления мое детство было нормальным. Оно было весьма далеким от нормы, но казалось нормальным, потому что другого я просто не знал. Лишь теперь, спустя несколько десятилетий, оглядываясь назад, в прошлое, я могу сказать, насколько необычным оно было.

Когда они появились, мне было почти одиннадцать, а моей сестре – девять.

Они прожили с нами больше пяти лет и превратили наш дом в кромешный ад. Нам с сестрой пришлось учиться выживанию. А когда мне исполнилось шестнадцать, а моей сестре четырнадцать, появился еще и ребенок.

Часть первая

1

Либби поднимает с коврика письмо и вертит его в руках. Это явно что-то официальное: конверт кремового цвета, из плотной дорогой бумаги, внутри прощупывается слой папиросной. Почтовый штемпель гласит: «Адвокаты Смиткин, Радд и Ройл, Челси-Мэнор-стрит, Юго-Западный Лондон».

Либби относит письмо на кухню и кладет его на стол, затем наполняет чайник и опускает в кружку чайный пакетик. Она почти уверена, что именно содержится в этом конверте. В прошлом месяце ей исполнилось двадцать пять. Она подсознательно ждала, когда оно придет. И вот теперь письмо здесь, и она не уверена, что найдет в себе силы открыть его.

Она поднимает трубку и звонит матери.

– Мам, – говорит она. – Оно пришло. Письмо от попечителей.

Она слышит молчание на другом конце линии. Она представляет себе мать на ее кухне, за тысячу миль, в Дении¹: девственно белая мебель, ярко-зеленая кухонная утварь, раз-

¹ Дения – город и муниципалитет в Испании, входит в провинцию Аликанте в составе автономного сообщества Валенсии (прим. перев.).

движные стеклянные двери, выходящие на небольшую террасу с видом на далекое Средиземное море. Вот она стоит, прижимая к уху телефон в поблескивающем стразами корпусе, который она называет своей *дорогой побрякушкой*.

– Да, – говорит она. – Понятно. Господи. Ты уже открыла его?

– Нет. Еще нет. Сначала я выпью чашку чая.

– Понятно, – повторяет она и тут же добавляет: – Мне оставаться на линии? Подождать, пока ты его вскроешь?

– Да, оставайся, – говорит Либби. – Пожалуйста.

У нее слегка перехватывает дыхание. Такое иногда случается с ней, когда на работе она собирается сделать презентацию продаж, или как если бы она только что выпила крепкого кофе. Она вытаскивает чайный пакетик из кружки и садится. Пальцы машинально поглаживают угол конверта. Она вздыхает.

– Хорошо, – сообщает она матери. – Я вскрываю его. При чем прямо сейчас.

Мать знает, что в этом конверте. Или, по крайней мере, у нее есть догадка, хотя ей никогда не сообщали официально, что это. Как она всегда говорила, это может быть чайник и купюра в десять фунтов.

Либби прочищает горло и, проведя пальцем под клапаном конверта, вытаскивает лист толстой кремовой бумаги и быстро пробегает глазами текст:

«Кому: Мисс Либби Луизе Джонс.

Как доверительный собственник недвижимого имущества Генри и Мартины Лэм, зарегистрированного 12 июля 1977 года, я готов передать его вам, как то записано в приложении к настоящему документу...»

Она откладывает сопроводительное письмо и вытаскивает сопутствующие документы.

– Ну что там? – спрашивает мать, затаив дыхание.

– Еще читаю, – говорит Либби в трубку.

Она скользит глазами по строчкам, и ее взгляд привлекает название объекта. Дом номер шестнадцать, Чейн-Уолк, Юго-Западный Лондон. Скорее всего, это дом ее ныне покойных биологических родителей. Они жили в нем на тот момент, когда умерли. Ей известно, что это в Челси. А также что это был большой дом. Она привыкла думать, что его давно уже нет. Что он заколочен досками. Продан. До нее доходит, что именно она только что прочла, и у нее перехватывает дыхание.

– Э-э-э... – произносит она.

– Что такое?

– Похоже, что... Нет, этого просто не может быть!

– Что?!

– Дом. Они оставили мне дом.

– Дом в Челси?

– Да, – говорит она.

– Весь дом?

– Похоже на то. Вот сопроводительное письмо, и в нем

говорится что-то про то, что никто из других законных наследников не дал о себе знать. – Либби пытается переварить эту новость и не может.

– О господи. Я хочу сказать, он стоит никак не меньше...

Либби надрывно вздыхает и смотрит на потолок.

– Это наверняка ошибка, – говорит она. – Этого просто не может быть.

– Сходи и проконсультируйся с адвокатами, – говорит мать. – Позвони им. Запишись на прием. Убедись, что это не ошибка.

– Но что, если это действительно не ошибка? Что, если это правда?

– В таком случае, мой ангел, – говорит мать, и Либби на расстоянии многих миль слышит ее улыбку, – ты будешь очень богатой женщиной.

Либби завершает разговор и обводит взглядом кухню.

Пять минут назад это была единственная кухня, какую она могла себе позволить, а эта квартира – единственной, какую она могла купить, здесь, на тихой улочке с рядами красных кирпичных домов в захолустном Сент-Олбансе. Она вспоминает квартиры и дома, которые попадались ей на глаза во время поисков в интернете, и свои собственные грустные вздохи, когда ее глазу представало очередное идеальное место: терраса для солнечных ванн, просторная кухня-столовая, пять минут ходьбы до станции, старинное выпуклое окно в свинцовой раме, навевающее мысль о церковных коло-

колах на другой стороне городской площади, после чего она, посмотрев на цену, чувствовала себя полной душой. Ведь только полная дура способна подумать, что такое может быть ей по карману.

В конце концов она была вынуждена отказаться от всех своих тайных желаний, лишь бы найти место, которое было бы не слишком далеко от ее работы и как можно ближе к железнодорожной станции. Когда она шагнула через порог, в ней ничего не шевельнулось, ее сердце ничего не подсказало ей, пока агент по торговле недвижимостью показывал ей крохотную квартирку. Но она превратила ее в свой дом, которым могла гордиться, кропотливо покупая все лучшее, что мог предложить интернет-магазин ТК Махх, и теперь, несмотря на скверную планировку, ее тесная квартирка с одной спальней доставляет ей радость. Она купила ее сама, и обставила, как могла.

И она принадлежит ей.

И вот теперь, похоже, она стала владелицей дома на самой красивой улице в Челси, и ее квартирка внезапно кажется ей некой нелепой шуткой, как и все остальное, что было важно для нее еще пять минут назад – повышение зарплаты на 1500 фунтов в год, которого она удостоилась, уик-энд с подружками в Барселоне в следующем месяце, на который ей пришлось копить полгода, тени для век Мас, которые она позволила себе купить в прошлые выходные в качестве подарка себе любимой по случаю повышению зарплаты;

легкая дрожь при мысли о том, что ради гламурного, сладко пахнущего момента в универмаге «Хаус оф Фрезер», ради невесомого пакетика с надписью MAC Cosmetics в руке, ради приятного волнения, когда она положила маленькую черную капсулу в косметичку, ради осознания того, что теперь эта капсула принадлежит ей и она сможет воспользоваться ею в Барселоне, где она могла бы также надеть подаренное матерью на Рождество платье, платье от French Connection с кружевными вставками, о каком она мечтала целую вечность, – она нарушила святую заповедь: никогда не выходить за рамки строго соблюдаемого ежемесячного бюджета.

Еще пять минут назад ее радости жизни были маленькими, скромными, долгожданнами, заработанными трудом и бережливостью, мелкие радости, которые по большому счету ничего не значат, но они придавали ровной поверхности ее жизни яркие искорки, ради которых каждое утро стоило вставать с постели, чтобы отправляться на работу, которая ее в принципе устраивала, но которую она не любила.

И вот теперь у нее есть дом в Челси, и рамки ее бытия разбились вдребезги.

Она кладет письмо обратно в дорогой конверт и допивает чай.

2

Над «Кафе д'Азюр» собирается гроза, на горизонте все уже стало багрово-синим, тяжелые тучи буквально давят на голову Люси. Одной рукой она сжимает виски, другой забирает у дочери пустую тарелку и ставит ее на пол, чтобы собака могла слизать капли соуса и крошки куриных волокон.

– Марко, – говорит она сыну, – доедай свою порцию.

– Я не голоден, – отвечает тот.

В висках Люси пульсирует бессильная ярость. Гроза между тем все ближе. Она чувствует липкую влажность, остывающую в горячем воздухе.

– Это все, – говорит она, стараясь не сорваться на крик. – Это все, что у нас есть сегодня из еды. Денег больше нет. Они закончились. Так что не говори мне перед сном, что ты проголодался. Тогда будет слишком поздно. Ешь сейчас. Пожалуйста. Прошу тебя.

Марко страдальчески качает головой и отрезает кусочек куриного шницеля. Она смотрит на его голову с двумя макушками, на его густые кудрявые каштановые волосы. Она пытается вспомнить, когда они все последний раз мыли голову, и не может.

– Мама, можно мне десерт? – спрашивает Стелла.

Люси смотрит на нее сверху вниз. Стелле пять лет, и она – лучшая ошибка, какую Люси совершила в своей жизни.

Сейчас следует сказать «нет». Она так строга с Марко и не должна потакать его сестре. Но Стелла такая славная, такая уступчивая и доверчивая. Как можно отказать ей в сладком?

– Если Марко доест свой шницель, – невозмутимо говорит Люси, – то мы закажем мороженое и поделим его на всех.

Это явно несправедливо по отношению к Стелле – та закончила есть свою порцию десять минут назад и не обязана ждать, пока ее брат закончит свою. Но чувство несправедливости Стелле, похоже, еще неизвестно. Она послушно кивает и говорит:

– Быстрее доедай, Марко!

Как только Марко заканчивает, Люси берет у него тарелку и ставит ее на тротуар, чтобы собака доела крошки. Приносят мороженое. Три шарика разного вкуса в стеклянной вазочке, политые горячим шоколадом, посыпанные измельченным пралине и украшенные пальмой из розовой фольги на коктейльной палочке.

Голова Люси снова пульсирует от боли, и она смотрит на горизонт. Им нужно найти крышу над головой, и как можно скорее.

Она просит принести счет, кладет карточку на блюдце и, затаив дыхание от недоброго предчувствия, что на этом счете, возможно, нет денег, что денег нет нигде, вводит в считывающее устройство терминала код.

Она ждет, пока Стелла оближет стеклянную вазочку, затем отвязывает от ножки стола поводок собаки и собирает

сумки; две их них она вручает Марко и одну – Стелле.

– Куда мы пойдём? – деловито спрашивает Марко. Его карие глаза серьезные, во взгляде сквозит тревога.

Она вздыхает и смотрит на улицу, ведущую к старому кварталу Ниццы, затем в другую сторону – в сторону моря. Она смотрит даже на пса, как будто тот может предложить нечто разумное. Пес глядит на нее с нетерпением, как будто его ждет еще одна тарелка, которую он мог бы вылизать. Осталось только одно место, куда они могут пойти, и ей меньше всего туда хочется. Но Люси заставляет себя улыбнуться.

– Я знаю, – говорит она, – давайте пойдём проведем бабулю!

Марко издает стон. Стелла колеблется. Оба прекрасно помнят, как в прошлый раз они гостили у бабушки Стеллы. Когда-то Самия была кинозвездой в Алжире. Сейчас ей семьдесят лет, она слепа на один глаз и живет в тесной, грязной квартирке на седьмом этаже многоквартирного дома в Л'Ариане со своей взрослой дочерью-инвалидом. Ее муж умер, когда ей было всего пятьдесят пять, а ее единственный сын, отец Стеллы, исчез три года назад, и с тех пор о нем больше ни слуху ни духу. Самия очень злая, и у нее имеются на то причины. Зато у нее есть крыша и пол, у нее есть подушки и вода. У нее есть все, чего сама Люси в данный момент не может предложить своим детям.

– Только на одну ночь, – говорит она. – Только сегодня

вечером, а потом я что-нибудь придумаю на завтра. Обещаю.

Они успевают дойти до дома Самии в тот момент, когда начинается дождь: крошечные водяные бомбы взрываются на горячей пыли тротуара.

В размалеванном граффити лифте по пути на седьмой этаж Люси чувствует, как они пахнут: сырой душок нестиранной одежды, невымытых жирных волос, кроссовок, которые слишком долго не снимали с ног. Особенно ужасно воняет пес, с его густой жесткой шерстью.

– Я не могу, – прямо с порога заявляет Самия, преграждая им вход. – Я просто не могу. Мази больна. Сегодня сиделке придется заночевать у нас. Здесь нет места. Здесь просто нет места.

Над головой грохочет раскат грома. Небо у них за спиной становится ослепительно-белым. Дождь обрушивается плотной стеной. Люси отчаянно смотрит на Самию.

– Нам больше некуда пойти, – говорит она.

– Я знаю, – говорит Самия. – Знаю. Я могу взять Стеллу. Но ты, мальчик и собака... извини. Вам придется поискать другое место.

Люси чувствует, как Стелла прижимается к ее ноге. По тельцу девочки пробегает дрожь тревоги.

– Я хочу с тобой, – шепчет она Люси. – Я не хочу оставаться здесь без тебя.

Люси опускается на корточки и берет Стеллу за руки. Глаза девочки зеленые, как у ее отца, в темных волосах кое-где

виднеются рыжеватые прядки, лицо загорелое, темно-коричневое от долгого жаркого лета. Красивый ребенок. Иногда люди подходят к Люси на улице, чтобы с легким вздохом сказать ей об этом.

– Детка, – говорит она. – Тебя здесь не намочит дождь. Ты сможешь принять душ, и бабушка почитает тебе на ночь сказку.

Самия кивает.

– Я прочитаю тебе ту самую сказку, которая тебе так нравится, – говорит она. – Сказку о луне.

Стелла еще крепче прижимается к матери. Терпение Люси на исходе. Она бы отдала все на свете за возможность спать в постели Самии, принять душ и надеть чистую пижаму и чтобы кто-то почитал ей книгу о луне.

– Всего на одну ночь, детка. Завтра утром я приду сюда и заберу тебя. Договорились?

Она чувствует, как подрагивает голова Стеллы, уткнувшейся ей в плечо, слышит, как дочка пытается сдержать слезы.

– Хорошо, мама, – соглашается Стелла. Люси вталкивает ее в квартиру Самии прежде, чем кто-либо из них успеет передумать. Теперь их трое – она, Марко и пес. Неся на спине свернутые коврики для йоги, они в сопровождении пса выходят под ливень, в темную ночь, совершенно не представляя, куда идти.

Какое-то время они укрываются от дождя под эстакадой

транспортной развязки. От постоянного шуршания автомобильных шин по горячему мокрому асфальту закладывает уши. Дождь даже не думает стихать и все так же льет как из ведра.

Марко держит пса на коленях, уткнувшись лицом в собачью спину.

Затем поднимает голову и смотрит на мать.

– Почему наша жизнь такая дерьмовая? – спрашивает он.

– Ты сам знаешь, почему наша жизнь дерьмовая, – сердито отвечает она.

– Но почему ты не можешь с этим что-то сделать?

– Я пытаюсь, – отвечает она.

– Неправда. Ты опускаешься на дно.

– Я пытаюсь, – шипит она, со злостью глядя на сына. –

Каждую минуту каждого дня.

Марко недоверчиво смотрит на нее. Он слишком умен и слишком хорошо знает свою мать. Люси вздыхает.

– Завтра я заберу скрипку. Я смогу снова зарабатывать деньги.

– А как ты заплатишь за ее ремонт? – спрашивает Марко, буравя ее взглядом.

– Я найду способ.

– Это какой же?

– Ну хорошо, я не знаю как. Не знаю. Но что-то придет. Так всегда бывает.

Потом она отворачивается от сына и смотрит на шоссе,

на параллельные линии автомобильных фар. Над головой гремят раскаты грома, небо вновь озаряется вспышкой молний, дождь становится – если такое возможно – еще сильнее. Люси достает из наружного кармана рюкзака свой потертый смартфон и включает его. И видит, что осталось всего семь процентов зарядки батареи. Она уже готова его отключить, как вдруг замечает, что телефон отправил ей «напоминалку». Сообщению уже несколько недель, но она не может заставить себя стереть его.

Оно короткое: *малышке 25 лет.*

3

Меня, как и моего отца, зовут Генри. Это не раз служило причиной путаницы, но, так как моя мать называла моего отца *дорогой*, а моя сестра называла его *папой*, и почти все остальные называли его *мистер Лэм* или *сэр*, то в целом это нам не слишком мешало.

Мой отец был единственным наследником состояния его отца, заработанного на игровых автоматах. Я никогда не знал своего деда, он был очень стар, когда родился мой отец, но знаю, что он был родом из Блэкпула, и его звали Гарри. Мой отец не работал ни единого дня в своей жизни, просто сидел и ждал, когда Гарри умрет, чтобы самому стать богатым и ничего не делать.

Он купил наш дом на Чейн-Уолк в Челси в тот же день, когда деньги приплыли ему в руки. Когда Гарри доживал свои последние дни, он всю «охотился» за недвижимостью. Он еще при жизни отца положил глаз на этот дом и несколько недель дрожал, что кто-нибудь другой купит его, прежде чем он сам сможет вступить в наследство.

Когда мой отец купил его, дом был пуст. Он потратил многие годы и тысячи фунтов, наполняя его тем, что он обычно называл предметами старины: обшитые панелями стены венчали лосиные головы, над дверными проемами крест-накрест висели мечи, за банкетным столом в средневеко-

вом стиле на шестнадцать персон стояли троны из красного дерева с витыми спинками, обшарпанные и изъеденные жуками-древоточцами, шкафы были полны пистолетов и длинных пастушьих кнутов. Добавьте к этому двадцатифутовый гобелен, зловещие портреты предков чужих людей, горы книг в кожаных переплетах с золотыми застежками, которые никто никогда не прочтет, и настоящую пушку в палисаднике. В нашем доме не было ни удобных кресел, ни уютных уголков. Все было из дерева, кожи, металла и стекла. Все было крепким и жестким. Особенно мой отец.

Он поднимал штангу в подвале нашего дома и пил «Гиннес» из своего личного бочонка в своем личном баре.

Он носил костюмы ручной работы за 800 фунтов, сшитые в Мейфэре, которые едва налезали на его крепкую, мускулистую фигуру. У него были волосы цвета старых бронзовых пенсов и красные руки с крепкими красными костяшками. Он водил «Ягуар». Он играл в гольф, хотя ненавидел его, потому что его тело не было предназначено для этой игры – он был слишком крепок и слишком упрям. По выходным он ездил на охоту: в субботу утром он уходил из дома в тесном твидовом пиджаке, неся чехол, полный ружей, а в воскресенье вечером возвращался домой с парой лесных голубей в переносном холодильнике. Однажды, когда мне было лет пять, он привел домой английского бульдога, которого купил у какого-то человека на улице, отдав за него несколько новеньких пятидесятифунтовых купюр, которые он носил

свернутыми в трубочку в кармане пиджака. По его словам, пес напомнил ему самого себя. Затем бульдог нагадил на антикварный ковер, и отец поспешил от него избавиться.

Моя мать была редкой красавицей. Это не мои слова. Это слова моего отца.

Твоя мама – редкая красавица.

Она была наполовину немкой, наполовину турчанкой.

Ее звали Мартина. Она была на двенадцать лет младше моего отца, и в те годы, до того, как появились они, она была иконой стиля. Надев темные солнцезащитные очки, она отправлялась на Слоун-стрит тратить деньги моего отца на яркие шелковые шарфики, губную помаду в золотых патрончиках и терпкие французские духи. Ее иногда фотографировали, и на этих снимках у нее в руках были дорогие сумочки, а эти снимки печатали в гламурных журналах. Ее называли светской львицей. Но она не была ею на самом деле. Она ходила на гламурные вечеринки и носила красивую одежду, но дома она была просто нашей мамой. Не самой лучшей, но и не худшей, и, безусловно, чем-то мягким и нежным в нашем большом, украшенном мечами и мачете маскулинном особняке в Челси.

Когда-то у нее даже была работа – в течение года или около того она знакомила друг с другом важных людей из мира моды. Или, по крайней мере, так мне казалось. У нее в сумочке лежали серебристые визитки с ярко-розовой надписью «Мартина Лэм Ассошиэйтс». У нее был офис на Кингс-

роуд, светлая комната в мансарде над магазином, со стеклянным столом, обтянутыми кожей креслами, телексом, вертикальными витринами для одежды из прозрачного пластика и вазой с белыми лилиями на постаменте. Во время школьных каникул она брала нас с сестрой на работу и давала нам из свежей пачки листы невероятно белой бумаги и горсть разноцветных маркеров. Время от времени звонил телефон, и мама говорила: «Доброе утро, это „Мартина Лэм Ассошиэйтс“». Иногда жужжал домофон, и мы с сестрой боролись за право нажать кнопку и впустить посетителей. Посетителями обычно были визгливые, очень худые женщины, которые хотели говорить исключительно об одежде и известных людях. Штатных работников в офисе не было, только наша мама, но иногда ей помогла лупоглазая девушка-подросток, она была кем-то вроде практикантки. Я не в курсе, что случилось со всем этим. Знаю лишь то, что офиса в мансарде не стало, серебрястые визитки куда-то подевались, и мама вновь стала домохозяйкой.

Мы с сестрой ходили в школу в Найтсбридже – возможно, в самую дорогую школу во всем Лондоне. Наш отец тогда не боялся тратить деньги. Он любил их тратить. Чем больше, тем лучше. Наша форма была дерьмового желто-коричневого цвета с брюками-бриджами для мальчиков. К счастью, к тому времени, когда я был уже достаточно взрослым, чтобы испытывать унижение от одежды, у моего отца не было денег, чтобы оплачивать наше обучение, не говоря уже о вель-

ветовых бриджах из отдела школьной формы в универмаге «Хэрродс».

Все это произошло так медленно и в то же время так быстро – эта перемена в наших родителях, нашем доме, нашей жизни после того, как появились они. Но в тот самый первый вечер, когда Берди впервые оказалась на крыльце нашего дома с двумя большими чемоданами и кошкой в плетеной корзинке, мы не могли даже предположить, какое влияние она окажет на нас, каких людей она приведет в нашу жизнь и что все это закончится так, как закончилось.

Мы думали, что она приехала погостить на выходные.

4

Либби готова поклясться, что слышит шепот каждой секунды существования этой комнаты, что чувствует дыхание каждого человека, который когда-либо сидел там, где сейчас сидит она.

– С тысяча семьсот девяносто девятого года, – ответил мистер Ройл на ее предыдущий вопрос. – Одна из старейших юридических контор в столице.

Мистер Ройл смотрит на нее с другой стороны начищенного воском рабочего стола. На его губах мелькает легкая улыбка.

– Так, так, так. Вот это подарок на день рождения, не так ли? – говорит он.

Либби нервно улыбается.

– Мне до сих пор не верится, что это на самом деле так, – говорит она. – Я все еще жду, что кто-то скажет мне, что это просто большой розыгрыш.

Ее слова – «большой розыгрыш» – никак не вяжутся с этой почтенной и древней обстановкой. Надо было выразиться помягче. Но мистер Ройл, похоже, совсем не в обиде. По-прежнему улыбаясь, он наклоняется, подается вперед и протягивает Либби толстую стопку документов.

– Никакого розыгрыша, смею вас в этом заверить, мисс Джонс.

Вот, – говорит он, вытаскивая что-то из кипы бумаг. – Я колебался, не зная, стоит ли давать это вам сейчас. Или, возможно мне следовало отправить его вам по почте. Письмом. Я не знаю... это довольно неловкая ситуация. Оно лежало в папке, и я сохранил его на всякий случай, на тот случай, если вдруг возникнут сомнения. Но, похоже, все правильно. Так что берите. Я не знаю, что ваши приемные родители рассказали вам о ваших биологических родителей. Но, думаю, вам будет интересно это прочесть.

Она разворачивает газетную вырезку и разглаживает ее на столе.

«Смерть светской львицы и ее мужа

в результате группового самоубийства.

Дети-подростки пропали без вести.

Маленький ребенок найден живым.

Вчера полицейские были вызваны в дом в Челси, принадлежавший бывшей светской львице Мартине Лэм и ее

мужу Генри, после сообщения о возможном тройном самоубийстве. Полиция прибыла днем и обнаружила тела мистера и миссис Лэм, лежавшие рядом на полу кухни. Еще один мужчина, которого еще предстоит опознать, также был найден мертвым. В комнате на втором этаже обнаружен ребенок женского пола, предположительно десятимесячного возраста.

Ребенок передан органам опеки и, по имеющимся сведениям, пребывает в добром здравии. Соседи замечали, что в последние годы в доме было много детей. Поступили также многочисленные сообщения о других взрослых, якобы проживавших в этом доме, но никаких других обитателей обнаружено не было.

Причину смерти еще предстоит выяснить, но первые анализы крови указывают на то, что вышеназванное трио, по всей видимости, скончалось от яда.

48-летний Генри Лэм был единственным наследником имущества своего отца, мистера Гарри Лэма из Блэкпула, Ланкашир. В последние годы он страдал от плохого здоровья и, как говорили, был прикован к инвалидной коляске.

В настоящее время полиция занимается поисками сына и дочери этой супружеской пары, которым, предположительно, от четырнадцати до шестнадцати лет. Любому, кто располагает какой-либо информацией о местонахождении детей, предлагается в кратчайшие сроки связаться со столичной полицией. Все, кто в последние годы проживал с семьей

в этом доме, также представляют для полиции большой интерес».

Либби в упор смотрит на мистера Ройла.

– То есть?.. То есть брошенный в доме ребенок – это я?

Адвокат кивает. Его глаза полны неподдельной печали.

– Да, – говорит он. – Такая трагическая история, не правда ли? И такая загадочная. Я имею в виду детей. Дом находился в доверительном управлении, и они тоже входили в число наследников, но никто из них не предъявил на дом права. Могу лишь предположить, что они... Впрочем, сейчас не об этом... – Он наклоняется вперед, хватается за галстук и вымученно улыбается. – Могу я предложить вам ручку?

Он пододвигает к ней круглую деревянную карандашницу в виде бочонка с дорогими на вид шариковыми ручками, и она берет одну из них. На ручке золотым шрифтом выгравировано название юридической фирмы.

Либби мгновение безучастно смотрит на нее.

Брат.

Сестра.

Групповое самоубийство.

Она едва заметно качает головой и, прочистив горло, произносит:

– Спасибо.

Ее пальцы крепко сжимают твердую ручку. Она с трудом вспоминает, как должна выглядеть ее подпись.

К краям страниц, которые она должна подписать, при-

креплены липкие пластиковые стрелки, указывающие ей, где нужно поставит подпись. Скрип ручки по бумаге кажется ей почти мучительным. Мистер Ройл с доброжелательной улыбкой наблюдает за ней. Он отодвигает свою чашку на несколько дюймов, затем придвигает обратно.

Она подписывает страницы, и ее переполняет ощущение важности этого момента. Этот незримый поворот ее жизни переносит ее *отсюда туда*. По одну сторону этой стопки бумаг – экономные «путешествия» с тележкой между полок дешевого супермаркета «Лидл», неделя отпуска раз в году и одиннадцатилетний «Воксхолл Корса». По другую – ключи от дома с восемью спальнями в Челси.

– Хорошо, – говорит мистер Ройл едва ли не со вздохом облегчения, когда Либби передает ему документы. – Очень хорошо.

Он пролистывает бумаги, бросая взгляд на пространство рядом с пластиковыми стрелками, затем смотрит на Либби, улыбается и говорит:

– Все верно. Думаю, вы можете получить ключи.

С этими словами достает из ящика стола небольшой белый пакет. На этикетке надпись «Чейн-Уолк, 16».

Либби заглядывает внутрь. Три комплекта ключей. Один – с металлическим брелком, украшенным логотипом «Ягуара». Второй – с медным кольцом со встроенной зажигалкой. И еще один – без колечка.

Он встает из-за стола.

– Едем? – спрашивает он. – Или, если хотите, можем прогуляться. Это недалеко, тут, за углом.

Сегодня просто бесчеловечная жара. Раскаленная брусчатка прожигает подошвы парусиновых туфель; безжалостные лучи полуденного солнца пронзают тонкую пленку облаков. Они идут по улице, где полно ресторанов с накрытыми столиками – те стоят на специальных платформах и защищены от солнца огромными прямоугольными маркизами.

За столиками по двое или по трое сидят женщины в огромных солнцезащитных очках и пьют вино. Некоторые из них примерно одного с ней возраста; Либби непонятно, как они могут позволить себе сидеть и пить вино в шикарном ресторане в понедельник днем.

– Итак, – говорит, наконец, мистер Ройл, – сейчас вы увидите ваше новое жилище. Если, конечно, вы решите жить в этом доме.

Либби качает головой и издает нервный смешок. Она не знает, что сказать в ответ. Все это слишком глупо.

Они проходят мимо крошечных бутиков и антикварных лавок, до отказа забитых бронзовыми фигурками лис и медведей и огромными сверкающими люстрами размером с ванну. Вскоре они оказываются у реки, и Либби чувствует странный запах, похожий на запах мокрой псины. Широкие лодки скользят по воде, почти соприкасаясь бортами. Мимо проплывает лодка поменьше с очередной компанией богатых людей: шампанское в серебряном ведерке со льдом, на

носу, подставив морду ветерку и щурясь от солнца, сидит золотистый ретривер.

– Вот мы и пришли, – говорит мистер Ройл. – Еще минутку или две.

Либби вся взмокла от пота и натерла ляжки. Наверное, зря она не надела вместо юбки шорты. Она чувствует, как ткань лифчика, там, где соединяются чашечки, впитывает стекающий пот. Судя по всему, мистер Ройл, в его элегантном облегающем костюме и рубашке, также проклинает про себя сегодняшнюю адскую жару.

– Вот мы и пришли, – говорит он, поворачиваясь лицом к шеренге полудюжины домов красного кирпича, разной высоты и ширины. Либби сразу догадывается, который из них ее, еще до того, как замечает цифру шестнадцать, нарисованную причудливым шрифтом на веерообразном окне над дверью. Дом трехэтажный, фасад в четыре окна. Красивый дом. Но, как она и предполагала, окна заколочены. Дымоходы и водосточные желоба заросли сорняками. Не дом, а бельмо на глазу.

Но какое красивое бельмо! Либби шумно втягивает в себя воздух.

– Какой огромный! – ахает она.

– Да, – соглашается мистер Ройл. – В общей сложности двенадцать комнат. Не считая подвала.

Дом отделен от тротуара декоративной металлической оградой и неухоженным заросшим палисадником. К входной

двери ведет ажурный навес из кованого железа, а слева на бетонном постаменте стоит массивная пушка.

– Вы не будете возражать, если я возьму на себя обязанности хозяина?

Мистер Ройл указывает на навесной замок на дощатом щите, прибитом поперек входной двери.

Либби кивает. Мистер Ройл отмыкает замок и, просунув под щит пальцы, отдирает его. Этот процесс сопровождается жутким скрежетом, и взгляду Либби предстает огромная черная дверь. Адвокат потирает кончики пальцев, а затем методично пробует один за другим ключи, пока не находит тот, которым можно открыть замок.

– Когда в последний раз кто-то был в этом доме? – спрашивает она.

– Если не ошибаюсь, несколько лет назад, когда там что-то затопило. Нам пришлось войти с аварийными сантехниками. Устранить кое-какие повреждения. Что-то в этом роде. Готово, прошу вас.

Они входят в прихожую. Жара, гул уличного движения, эхо речных звуков – все моментально исчезает. Здесь прохладно. Пол – гладкий темный паркет, покрытый царапинами и слоем пыли. У лестницы впереди витые перила из темного дерева, лестничный столб венчает резная ваза с фруктами. Двери украшают резные узоры, имитирующие складки ткани, и витиеватые бронзовые ручки. Стены наполовину обшиты панелями темного дерева и оклеены полинявшими

винно-красными обоями с крупными проплешинами, изъеденными молью. Воздух спертый и пыльный. Единственный свет поступает сквозь веерообразные окна над каждым дверным проемом.

Либби вздрагивает. Слишком много дерева, слишком мало света. Слишком мало воздуха. Ей кажется, будто она в гробу.

– Можно? – она берется за ручку одной из дверей.

– Можете делать здесь все что угодно. Это ваш дом.

Дверь открывается в длинную прямоугольную комнату в задней части дома; четыре ее окна выходят на густые заросли деревьев и кустарников. И снова деревянные панели. Деревянные ставни. Снова паркет под ногами.

– Куда она ведет? – спрашивает она мистера Ройла, указывая на узкую дверь в боковой стене.

– Это дверь к лестнице для прислуги, – отвечает он. – Она ведет прямо к маленьким комнатам на мансардном этаже. Есть еще одна потайная дверь, на площадке второго этажа. Обычная вещь в этих старых домах. Построенных, как клетки для хомячков.

Они комната за комнатой, этаж за этажом исследуют дом.

– Что случилось с мебелью? Где осветительные приборы? – спрашивает Либби.

– Их давно нет. Семья продала все, чтобы оставаться на плаву. Здесь все спали на матрасах. Сами шили себе одежду.

– Неужели они были настолько бедны?

– Да, – отвечает мистер Ройл. – Они действительно были бедны.

Либби кивает. Она не представляла своих биологических родителей бедными. Да, она позволила себе создать фантазию о них. Но ведь даже дети, живущие со своими биологическими родителями, подчас склонны предаваться фантазиям. Ее воображаемые родители были молоды и имели кучу друзей. В их доме у реки были две стеклянных стены от пола до потолка и круговая терраса. У них были собаки, маленькие, обе девочки, со стразами на ошейниках. Ее воображаемая мама занималась рекламой модной одежды, ее отец был художником-дизайнером. Когда она была маленьким ребенком, они брали ее на завтрак, сажали на высокий стульчик, разламывали ей бриошь и толкались коленками под столом, где лежали, свернувшись, обе собачонки.

Они умерли, возвращаясь домой после вечеринки с коктейлями. Скорее всего, погибли в аварии с участием спортивного автомобиля.

– Было ли найдено что-то еще? – спрашивает она. – Помимо предсмертной записки?

Мистер Ройл отрицательно качает головой.

– Ничего официального. Но кое-что все же было. Когда вас нашли. Что-то, что лежало в вашей кровати. Полагаю, она все еще здесь. В вашей детской. Не желаете взглянуть?..

Она следует за мистером Ройлом в большую комнату на втором этаже. Здесь два больших окна с видом на реку.

Воздух затхлый и спертый, высокие углы комнаты увешаны плотными шторами паутины и пыли. В другом конце комнаты виднеется дверной проем, и они сворачивают за угол в маленькую комнату.

Это гардеробная, в ней три стены отведены под белые шкафы и комоды, украшенные декоративной резьбой. В центре комнаты стоит детская кроватка.

– Та самая?..

– Да, та самая. В ней вас и нашли. Вы что-то весело щебетали на своем детском языке и, похоже, радовались жизни.

Кроватка имеет конструкцию качалки с металлическими рычагами для толкания вперед и назад. Она окрашена в кремовый цвет с россыпью светло-голубых роз. Спереди красуется небольшой металлический значок с логотипом универсама «Хэрродс».

Мистер Ройл протягивает руку к полке на задней стене и достает с нее маленькую коробочку.

– Вот, – говорит он, – это было спрятано среди ваших одеял. Мы предположили... мы все предположили, мы и полиция, что это предназначалось для вас. Полиция несколько лет хранила это в качестве вещественного доказательства, а когда следствие завершилось, вернула нам.

– Что это?

– Откройте и посмотрите.

Она берет у него картонную коробочку и открывает ее. В ней клочки разорванной газеты. Ее пальцы нащупывают что-

то твердое и шелковистое. Она кончиками пальцев достает из коробки загадочный предмет. Это кроличья лапка на золотой цепочке. Либби вздрагивает. Цепочка выскользывает из ее руки и падает на деревянный пол. Она наклоняется, чтобы поднять ее.

Ее пальцы касаются кроличьей лапки, ощущают холодную безжизненность гладкого меха и остроту коготков. Она пропускает цепочку сквозь пальцы другой руки. Ее голова, которую еще неделю назад занимали мысли о новых сандалиях, девичнике, секущихся кончиках волос, комнатных растениях, нуждающихся в регулярном поливе, теперь занята людьми, спавшими на полу на матрасах, мертвыми кроликами и большим пугающим домом, совершенно пустым, за исключением стоящей в нем детской кровати-качалки из универмага «Хэрродс» со странно зловещими светло-голубыми розами по бокам. Она кладет лапку обратно в коробку и неловко держит ее. Затем медленно опускает руку на матрас у основания кровати в надежде почувствовать эхо собственного детского спящего тельца и призрак человека, который последний раз положил ее туда и спрятал в одеялах кроличью лапку. Увы, ничего такого там нет. Просто пустая кровать и запах плесени.

– Как меня звали? – говорит она. – Кто-нибудь это знал?

– Да, – говорит мистер Ройл. – Ваше имя было указано в записке, которую оставили ваши родители. Ваше имя Серенити.

– Серенити?

– Да, – говорит он. – Красивое имя. Мне так кажется.

Правда, немного... богемное, верно?

Внезапно ее охватывает приступ клаустрофобии. Она готова броситься вон из комнаты, но подобный драматизм не в ее стиле.

Вместо этого Либби говорит:

– Может, осмотрим сад, если вы не против? Я бы не отказалась подышать свежим воздухом.

Люси выключает телефон. Нужно сохранить зарядку на тот случай, если Самия попытается связаться с ней. Она поворачивается к Марко. Тот с любопытством смотрит на нее.

– В чем дело? – спрашивает она.

– Что это было за сообщение? На твоём телефоне?

– Какое сообщение?

– Я видел его. Только что. В нем сказано, что ребенку двадцать пять лет. Что это значит?

– Это ничего не значит.

– Не верю. Это должно что-то значить.

– Нет. Это ничего не значит. Это просто ребенок подруги.

Просто напоминание о том, что ему исполнилось двадцать пять лет. Я должна отправить ей открытку.

– Что за подруга?

– Подруга в Англии.

– Но у тебя нет подруг в Англии.

– Конечно, у меня есть подруги в Англии. Я там выросла.

– И как ее зовут?

– Кого?

Марко раздраженно стонет.

– Твою подругу, кого же еще. Как ее имя?

– Это так важно? – резко отвечает она.

– Это важно, потому что ты моя мать, и я хочу кое-что

знать о тебе. По большому счету я ничего о тебе не знаю.

– Не смейся. Ты знаешь обо мне почти все.

Он удивленно смотрит на нее широко раскрытыми глазами.

– Неужели? Я знаю лишь то, что твои родители умерли, когда ты была маленькой. Я знаю, что ты выросла в Лондоне у своей тети и что она привезла тебя во Францию, научила играть на скрипке и умерла, когда тебе было восемнадцать лет. Так что я знаю твою историю. Но я не знаю подробностей. Например, где ты ходила в школу или кем были твои друзья, что ты делала на выходных, случались ли с тобой забавные вещи или у тебя все было нормально.

– Все это непросто, – уклончиво отвечает она.

– Понимаю, – говорит Марко. – Но мне уже двенадцать лет, и ты не можешь относиться ко мне как к несмышленищу. Ты должна мне все честно рассказывать.

Люси смотрит на сына. Он прав. Ему двенадцать лет, и ему больше не интересны сказки. Он знает, что жизнь не сводится к пяти главным событиям, знает, что в ней случаются самые разные вещи.

Она вздыхает.

– Не могу, – говорит она. – Пока еще не могу.

– А когда сможешь?

– Скоро, – отвечает она. – Если мы когда-нибудь доберемся до Лондона, я все тебе расскажу.

– А мы доберемся?

Она вздыхает и убирает со лба волосы.

– Пока не знаю. Пока что у меня нет денег. У тебя и Стеллы нет паспортов. Плюс собака. Это все так...

– Отец, – говорит Марко, отсекая ее. – Позвони ему.

– Только не это!

– Мы можем встретиться где-нибудь в кафе. Тогда он будет вести себя смирно.

– Марко. Мы даже не знаем, где твой отец.

Возникает странное молчание. Она чувствует, как ее сын нервно ерзает, снова зарываясь лицом в шерсть собаки.

– Я знаю, где он.

Она снова резко поворачивается и в упор смотрит на него. Марко зажмуривается, затем снова открывает глаза.

– Он забирал меня из школы.

– Когда?

Марко пожимает плечами.

– Пару раз. В конце учебного года.

– И ты не сказал мне?

– Он велел мне не говорить тебе.

– Черт побери, Марко! – Она лупит кулаками по земле. –

Что произошло? Куда он тебя отвозил?

– Никуда. Просто гулял со мной.

– А еще?

– Что еще?

– Что он сказал? Чем он сейчас занимается?

– Ничего такого. Просто он в отпуске. Со своей женой.

– И где он сейчас?

– Все еще здесь. Он здесь на все лето. В доме.

– В доме?

– Да.

– Боже, Марко! Почему ты не сказал мне раньше?

– Потому что я знал, что ты распахнешься.

– Я не распахиваюсь. Посмотри на меня. Я совершенно спокойна. Я всего лишь сижу здесь на жесткой, мокрой земле под эстакадой, и нам негде спать, а в это время твой отец всего в миле отсюда и купается в роскоши. С какой стати мне психовать?

– Извини, – сердито произносит он. – Ты сама говорила, что больше не желаешь его видеть.

– Это было, когда я не спала под эстакадой.

– Значит, ты хочешь увидеть его снова?

– Я не хочу его видеть. Но я должна что-то придумать. И он единственный вариант. По крайней мере, он может дать денег, чтобы я могла вернуть свою скрипку.

– О да, потому что тогда мы разбогатеем, верно?

Люси невольно сжимает кулаки. Ее сын имеет привычку облекать неприятные вещи в слова, а затем хлестать ее ими по лицу.

– Сейчас середина июля. Все школы в Англии и Германии закрываются на каникулы. Здесь будет вдвое больше туристов. Мы быстро заработаем денег, чтобы добраться до Англии.

– Почему ты не хочешь попросить отца оплатить нам дорогу? Тогда мы просто взяли бы и поехали. Я очень хочу в Лондон. Я хочу уехать отсюда. Просто попроси его дать нам денег. Почему ты не можешь это сделать?

– Потому что я не хочу, чтобы он знал, что мы уезжаем. Никто не должен об этом знать. Даже бабушка. Ты понял?

– Понял, – кивает Марко.

Он угрюмо насупился и опустил голову, и она видит спутанные волосы на его затылке. Они спутались за неделю, когда они остались без крова. Ее сердце пронзает жалость к сыну. Она легонько сжимает пальцами его худую шею.

– Потерпи, мой прекрасный мальчик, – говорит она, – мне очень жаль. Завтра мы увидим твоего отца, и тогда все образуется, клянусь.

– Да, – огрызается он, – но наша жизнь больше не будет нормальной. Ведь так?

Так, думает она про себя. Скорее всего, не будет.

6

Первой появилась Берди. Берди Данлоп-Эверс.

Моя мать где-то когда-то познакомилась с ней. На какой-то тусовке. Берди играла на скрипке в поп-группе под названием Original Version и ее имя, как мне кажется, было на слуху у любителей музыки. Один сингл едва не занял первую строчку, и группа дважды попала в хит-парад Top of the Pops.

Не скажу, что меня интересовали такие вещи. Я никогда не был любителем поп-музыки, а обожествление знаменитостей меня раздражает.

Она сидела на нашей кухне и пила чай из одной из наших коричневых кружек. Я даже вздрогнул, когда увидел ее там. Женщина с длинными редкими волосами до пояса, в мужских брюках с ремнем, полосатой рубашке и подтяжках, в длинном сером пальто и зеленых перчатках с обрезанными пальцами. На фоне нашего дома она смотрелась инородным телом, подумал я. Люди, которые приходили в наш дом, обычно носили сшитые на заказ костюмы и атласные платья, они источали ароматы дорогих духов и лосьона после бритья от Кристиана Диора.

Когда я вошел, Берди взглянула на меня, и я увидел маленькие голубые глазки с тонкими карандашными линиями бровей над ними, твердую линию рта, плохо сочетавшуюся

с мелкими зубами, довольно слабый подбородок, который, как будто прогнулся под унылостью ее лица. Я подумал, что гостья могла бы улыбнуться, но она этого не сделала.

– Генри, – сказала моя мама, – это Берди! Та самая, о которой я тебе рассказывала, из поп-группы.

– Привет, – поприветствовал я.

– Привет, – ответила Берди. Я не смог сразу разобраться в ней.

Интонация у нее была, как у моей школьной директрисы, но выглядела она как обычная бродяжка.

– Группа Берди хочет снять в нашем доме поп-видео! – сообщила моя мама.

Признаюсь честно, в этот момент мне пришлось слегка симулировать безразличие. Я сделал каменное лицо и, ничего не сказав, молча подошел к столу и потянулся к тарелке с булочками и печеньем – моему ежедневному перекусу после школы. Я взял два печенья и налил себе стакан молока. И лишь после этого поинтересовался:

– Когда?

– На следующей неделе, – сказала Берди. – Мы уже выбрали место, но их вроде как залили соседи сверху или что-то в этом роде. В общем, подлянка. Пришлось все отменить.

– И поэтому я сказала: «Приходите, посмотрите на наш дом и скажете, что вы думаете», – продолжила моя мама.

– И вот я здесь.

– И вот она здесь.

Я небрежно кивнул. Я хотел спросить, когда они придут, и могу ли я не ходить в школу в этот день, чтобы чем-то помочь, но тогда я не сделал этого, да и впоследствии никогда не проявлял энтузиазма к чему бы то ни было. Поэтому я, как обычно, методично окунул печенье в молоко и молча его съел.

– По-моему, здесь самое то, – сказала Берди, обводя жестом кухню. – Даже лучше, чем в том, другом месте. Просто идеально. Думаю, надо будет подписать пару бумажек. – Она закатила глаза. – Ну вы понимаете, случаются отказы и все прочее. На тот случай, если мы спалим ваш дом. Или одна из ваших лосиных голов свалится на кого-то из нас и убьет насмерть. Типа того.

– Да, да, – сказала моя мама так, как будто всю свою жизнь только и делала, что подписывала отказы от претензий за несчастные случаи со смертельным исходом. – В этом есть смысл. И, очевидно, мне нужно сначала обсудить это с мужем. Но я знаю, он будет счастлив. Ему нравится ваша музыка.

Я подозревал, что это неправда. Моему отцу нравились песни болельщиков регби и скабрзные оперы. Но ему нравились суета и внимание окружающих, и он любил свой дом, и поэтому любой, кому нравилось его жилище, всегда был здесь желанным гостем.

Через несколько минут Берди ушла. Я заметил крошечную кучку чешуек сухой кожи на столе возле ее кружки, и

мне стало немного противно.

Съемка клипа продолжалась два дня и оказалась гораздо скучнее, чем я думал. Техники бесконечно долго возились с осветительной аппаратурой, а нечесаные участники группы раз за разом повторяли отдельные действия. Все они были одинаково одеты во что-то коричневое, и мне казалось, что от них должно противно пахнуть, но от них не пахло, потому что дама с кронштейном для одежды привезла их костюмы в прозрачных пластиковых пакетах. К концу дня песня крутилась в моей голове, как застрявшая между оконных стекол муха. Это была ужасная песня, но она заняла первое место в хит-параде и возглавляла его в течение девяти жутко долгих недель. Видеоклип с ней можно было увидеть на экране любого телевизора, мимо которого вы проходили, и наш дом увидели миллионы телезрителей.

Это был добротный сделанный клип. Ничего не скажу. И я с легким волнением рассказывал всем, что он снимался у нас дома. Но через несколько недель острые ощущения сгладились, потому что через много лет после того, как съемочная группа уехала, после того, как этот сингл выпал из хит-парадов, после того, как из них выпал их следующий сингл, Берди Данлоп-Эверс, с ее глазами-бусинками и ее крошечными зубками все еще оставалась в нашем доме.

Либби работает в компании, занимающейся дизайном дорогих кухонь. Она возглавляет отдел продаж, расположенный в выставочном зале в центре Сент-Олбанса, рядом с собором. Под ее началом два менеджера по продажам и два их помощника, а ее начальники – помощник директора по продажам, старший директор по продажам и управляющий директор. Она на полпути карьерной лестницы, той лестницы, которая в течение последних пяти лет была смыслом ее существования. Либби мысленно строит мостик к той жизни, которая начнется, когда ей исполнится тридцать. Когда ей стукнет тридцать, она будет директором по продажам, но если она пролетит, то ради карьерного роста пойдет работать в другое место. Затем она выйдет замуж за мужчину, которого попытается найти как в интернете, так и в реальной жизни. Мужчину с морщинками от улыбок в уголках рта и с собакой и/или кошкой, мужчину с интересной фамилией, которую он сможет прилепить к фамилии Джонс, мужчину, который зарабатывает столько же, сколько и она, или больше, мужчину, который любит обниматься больше, чем заниматься сексом. У него будет красивая обувь, красивая кожа, никаких татуировок, зато будет прекрасная мама и красивые ноги. Мужчину высокого, под метр восемьдесят или выше. Мужчину, у которого нет багажа в виде бывшей супруги и детей, но есть

хорошая машина и едва заметный намек на брюшко, хотя плоский, подтянутый живот все же предпочтительнее.

Этот мужчина еще не материализовался, и Либби понимает, что, возможно, она излишне требовательна. Но у нее есть пять лет, чтобы его найти и выйти за него замуж, и еще пять лет, чтобы родить ребенка, и, может быть, еще два года, чтобы родить еще одного, если ей понравится первый. Она никуда не торопится. Пока. Она просто будет искать, будет, выходя на люди, хорошо выглядеть, принимать приглашения на светские мероприятия, сохранять позитивный настрой, держать себя в хорошей форме, не терять самообладания, следовать прежним курсом.

Когда Либби встает и собирается идти на работу, на улице уже жарко, и хотя сейчас всего восемь утра, в воздухе подрагивает перламутровое марево зноя.

Она спала всю ночь с открытым окном, хотя знала, что женщинам не советуют это делать. Либби расставила стаканы по всему подоконнику так, чтобы, если кто-то и попытается забраться ночью в дом, она услышала звуки вторжения. Но она провертелась всю ночь, беспорядочно скручивая влажные простыни.

Солнце вырвало ее из короткого сна. Тонкий лучик проник сквозь крошечный зазор между шторами, и в считанные минуты комната вновь превратилась в духовку. Пару мгновений все казалось нормально. Увы, всего пару мгновений. Ее мысли тотчас вернулись во вчерашний день. В темный

дом с его резными дверями, потайной лестницей, к кроличьей лапке, бледно-голубым розам на боках детской кровати. Или это все ей примерещилось? Неужели этот дом все еще стоит на своем прежнем месте или же расплылся на атомы?

Сегодня утром она приходит на работу второй по счету. Дайдо, главный дизайнер, уже сидит за рабочим столом и даже успела включить кондиционер. Ледяной воздух приятно щекочет липкую от пота кожу, но Либби знает, что через полчаса превратится в ледышку, и уже пожалела, что не захватила с собой кардиган.

– Доброе утро, – говорит Дайдо, не отрываясь от клавиатуры. – Как все прошло?

Вчера Либби по секрету сообщила Дайдо, что берет выходной, чтобы встретиться с адвокатом по поводу наследства. Она не стала говорить ей о том, что ее в свое время удочерили или о том, что ей, возможно, достанется в наследство дом. Ограничилась лишь словами о том, что это наследство от пожилого родственника, добавив, что ей, скорее всего, достанутся деньги, несколько сот фунтов. Услышав про несколько сот фунтов, Дайдо сильно разволновалась, и Либби не была уверена, как ее коллега отреагирует, скажи она ей правду. Но сегодня утро вторника, их здесь всего двое, а свою лучшую подругу Эйприл она не увидит до выходных, и у нее нет никого, кому она могла бы все рассказать, так что, может, и впрямь стоит рассказать все Дайдо, которая на две-

надцать лет ее старше и наверняка поделится с ней мудрым или полезным советом по поводу этой дурацкой ситуации.

– Я унаследовала дом, – говорит Либби, наливая в кофемашину воду.

– Ха-ха, – говорит Дайдо, явно отказываясь ей верить.

– Нет, я серьезно. Дом в Челси, у реки.

– Челси, Лондон? – уточняет Дайдо разинув рот.

– Да.

– Как в реалити-шоу «Сделано в Челси»?

– Да, – снова говорит Либби. – На берегу реки. Он огромный.

– Ты прикалываешься?

Либби качает головой.

– Нет.

– О господи, – ахает Дайдо. – Значит, ты теперь миллионерша?

– Похоже на то.

– И при этом ты здесь, во вторник утром, пришла на работу в офис, как обычный человек.

– До меня самой это еще толком не дошло.

– Боже, Либби, на твоем месте я бы послала все подальше и пила бы шампанское в саду отеля «Сент-Майклз Мэнор».

– Сейчас без двадцати девять.

– Значит, чай. И яйца бенедикт. Что ты здесь забыла?

Либби чувствует, что трещит по всем швам при мысли о том, что ей не нужно быть здесь, что крепкая карьерная

лестница, за которую она цепляется всю свою жизнь, только что растворилась в куче золотых монет, что все изменилось.

– Я узнала только вчера! Я еще не продала его, – говорит она. – И, возможно, не смогу продать.

– Ну конечно, потому что никто не захочет обзавестись домом в Челси с видом на Темзу.

Примерная стоимость шесть или семь миллионов фунтов. Такова была оценка, которую дал ей вчера адвокат, когда она наконец осмелилась спросить. За вычетом, сказал он, расходов и гонораров, причитающихся адвокатской фирме. Кроме того, придется заплатить налог на наследство. Вы получите примерно три с половиной миллиона, добавил он. Или около того.

Мистер Ройл даже шлепнул ее по ладони – «держи пять!» Не иначе, как принял ее за юную особу вроде тех, о которых читал в газетах. Что выглядело довольно комично.

– Сейчас дом в плачевном состоянии, – говорит Либби. – И у него есть история.

– История?

– Да. В нем умерли какие-то люди. Темная история. Дальние родственники. – Она уже раскрыла рот, чтобы упомянуть об оставленном в кровати ребенке, но вовремя остановилась.

– Не может быть!

– Может. Все это немного шокирует. Так что пока я буду вести себя как обычно.

– Ты и дальше собираешься продавать кухни? Здесь, в Сент-Олбансе?

– Да, – отвечает Либби, чувствуя, как при мысли о том, что ничего не меняется, ее душевное равновесие начинает возвращается в норму. – Я собираюсь и дальше продавать кухни в Сент-Олбансе.

В конце концов Марко и Люси провели ночь на пляже. Дождь прекратился примерно в два часа ночи, и они, собрав свои пожитки, двадцать минут шли через весь город к Английской набережной, где развернули на мокрой гальке коврики для йоги, укрылись саронгами и наблюдали за тем, как клочья серых дождевых туч мчатся друг за другом на фоне огромной розовой луны, пока линию горизонта не позолотили первые солнечные лучи.

В восемь часов Люси выгребла со дна своего рюкзака и кошелек последние центы – на ее счастье, их хватило на круассаны и кофе. Они с Марко ели их, сидя на скамейке, отупевшие из-за недосыпа и ужасов дождливой ночи.

Затем они прошагали через весь город к квартире Самии, чтобы забрать Стеллу, и Самия не пригласила их войти и поест, хотя был полдень, и в доме уже никто не спал. Стелла была выкупана и переодета в чистое, ее мягкие кудри причесаны и скреплены розовыми пушистыми заколками, и, пока они снова шли через весь город, Люси подумала, что со стороны их с Марко можно принять за похитителей девочки.

– Я могу оставить ее еще на одну ночь, – предложила ей Самия, положив руку на плечо внучки. От Люси не скрылось, как Стелла пожалала плечиком, как будто хотелось стряхнуть ее руку, и почти незаметно, слегка покачала головой.

– Это любезно с вашей стороны. Спасибо, но я уже нашла, где нам спать сегодня вечером. – Она спиной чувствовала, как глаза Марко буравят ее, безмолвно упрекая во лжи. – Но я очень, очень вам благодарна. В самом деле.

Самия слегка наклонила голову и прищурилась, как будто молча оценивала положение Люси.

Та затаила дыхание, ожидая неодобрительного заявления по поводу своей внешности, воспитания детей, той роли, какую она сыграла в том, что ее драгоценный сын куда-то сбежал. Вместо этого Самия медленно подошла к столику в коридоре и вынула из сумочки кошелек. Заглянула в него и, вытащив купюру в двадцать евро, протянула ее Люси.

– Это все, что у меня есть, – сказала она. – Больше нет.

Люси взяла деньги, наклонилась к Самии и обняла.

– Спасибо, – сказала она. – Будьте здоровы.

Теперь она, дети и собака бредут по Английской набережной под палящими лучами полуденного солнца с сумкой, полной чистой одежды из прачечной-автомата. Идут сытые, набив животы хлебом, сыром и кока-колой.

Они держат путь в один из многочисленных пляжных клубов, расположенных вдоль променада Ниццы: Le Beach Club Bleu et Blanc.

Люси когда-то бывала здесь. Она сидела за столиком вместе с отцом Марко, и на тарелке высилась гора морепродуктов, и возле ее локтя стоял бокал шампанского или бокал белого вина, разбавленного минеральной водой, а из кро-

шечных отверстий разбрызгивателя их охлаждали тончайшие струйки холодной как лед воды.

Они не узнают ее сейчас, эти усталые старые официанты в их неуместно модных сине-белых рубашках поло. Двенадцать лет назад на нее заглядывались все.

У входа в ресторан на высоком табурете сидит какая-то женщина. Она блондинка, причем в той степени, в какой только женщины на юге Франции могут быть блондинками, – наверно, сказывается контраст между волосами цвета ванильного мороженого и загорелой, как будто поджаренной кожей. Она равнодушно смотрит на Люси, а также на Марко и пса, и снова обращает взгляд на экран компьютера. Люси делает вид, будто ждет кого-то, кто должен выйти к ней с пляжа, прикрывает глаза рукой и вглядывается в отдыхающих. Наконец женщину отвлекает группа из пяти человек, пришедших на обед.

– Быстро, – шипит она, обращаясь к детям, – быстро проходите.

Она берет собаку на руки и, подталкивая Стеллу перед собой, проходит на пляж. Ее сердце стучит как бешеное, когда она, сделав невозмутимое лицо, шагает по деревянной платформе, которая сразу за рестораном ведет к душевой кабине. Она смотрит прямо перед собой.

– Иди, не останавливайся, – шипит она Стелле, когда та застывает на полпути. Наконец они оказываются в сыром, влажном полумраке душевых кабинок.

«Исключительно для посетителей клуба Le Beach Club Bleu et Blanc», – говорят многочисленные таблички, прибитые к деревянным стенам. Бетонный пол под ногами усыпан влажным песком. Воздух спертый, несвежий. Люси направляет Стеллу вправо. Если они смогут, не будучи замеченными, пройти через невысокие, по пояс, деревянные двери в душ, то все будет в порядке.

Это им удастся. Душевые пусты. Они с Марко впервые за последние восемь дней снимают одежду. Люси кидает трусы в мусорный бак. Она ни за что на свете не наденет их снова. Затем достает из рюкзака шампунь и кондиционер для волос, кусок мыла и полотенце. Она берет с собой под душ пса, вспенивает шампунь по всей его шерсти, моет под хвостом, под горлом, за ушами. Пес стоит неподвижно, как будто знает, что это необходимо. Затем она передает его Стелле, которая ждет их снаружи. Пес отряхивается, и Стелла хихикает, мокрая от брызг, слетающих с его шерсти. Затем Люси становится под струи теплой воды. Те стекают по ее голове, попадают в глаза и уши, в подмышки, между ног и пальцев. Ад прошлой недели начинает растворяться, смываясь вместе с пылью, грязью и солью. Она моет волосы шампунем, протягивает пальцами пряди по всей их длине, пока они не начинают поскрипывать. Закончив с мытьем головы, она передает шампунь под перегородкой в душевую Марко и смотрит на мыльные ручейки печального серого оттенка, встречающиеся в канавке на полу между ними.

– Хорошенько промой волосы на затылке, Марко, – говорит она. – Там все сваялось клочками. И подмышки. Хорошенько вымой подмышки.

Затем они сидят рядом на деревянной скамье, завернутые в полотенца. Сквозь щели в досках им видны люди, проходящие по ту сторону, полосы мерцающего голубого неба, в нос им бьет запах нагретых солнцем досок и жареного чеснока. Люси вздыхает. Она почти не чувствует бремени забот, но все еще не совсем готова взяться за следующее дело.

Они надевают чистую одежду и прыскаются дезодорантом. Люси наносит на лицо увлажняющий крем, а детей намазывает солнцезащитным. У нее в косметичке есть небольшой флакончик духов, и она распыляет их за ушами и между грудей. Она скручивает влажные волосы в узел на затылке и зажимает пластмассовой заколкой. Она смотрит на себя в зеркало. Без малого сорок лет. Бездомная. Незамужняя. Без гроша в кармане. И она даже не та, за кого себя выдает. Даже имя у нее ненастоящее. Она призрак. Живой, дышащий призрак.

Она тушью подводит ресницы, наносит немного блеска для губ, поправляет кулон на золотой цепочке так, чтобы тот оказался в ложбинке между грудей на обожженной солнцем коже. Она смотрит на своих детей: они прекрасны. Собака тоже выглядит симпатично. Все хорошо пахнут. Все сыты. Всегда бы так.

– Ну что ж, – говорит она Марко, запихивая грязную

одежду обратно в рюкзак. – Пойдем, увидимся с твоим отцом.

Я наблюдал за ним с лестницы, поэтому я уже знал. Мужчина с темными кудрями, шляпа с полями, курточка-спецовка, твидовые брюки, заправленные в высокие ботинки на шнуровке. Обшарпанные чемоданы, похожие на реквизит из старого фильма, и плетеная корзина-переноска для кошек, перехваченная потертым кожаным ремнем. И рядом с ним Берди, в платье, похожем на ночную сорочку.

– Дорогой! – услышал я, как мама позвала отца. – Иди и познакомься с Джастином!

Отец вышел на ее зов из гостиной. В мохнатом зеленом свитере, с сигарой в зубах.

– Итак, – сказал он, крепко сжимая руку мужчины, – вы парень Берди?

– Партнер, – поправила его Берди. – Джастин – мой партнер.

Мой отец посмотрел на нее тем взглядом, когда думал, что кто-то намеренно выставляет его дураком, как будто у него чесались руки. Но этот взгляд моментально сменился другим, и я увидел, как он смотрит на них с улыбкой.

– Да, – сказал он. – Конечно. Теперь это называется так, верно?

Берди сказала моей матери, что ей и ее *партнеру* нужно где-то перекантоваться несколько дней. Домохозяин выгнал

их, потому что у них кошка; какой идиот поселяется с кош-кой, не прочтя толком условий договора жилищного найма? Мне еще не было одиннадцати лет, и я никогда не жил в съемной квартире, но даже я это знал, а Берди не знала, к кому еще обратиться. Будучи взрослым мужчиной, которому сейчас сорок один год, я не раз использовал подобный рефрен, чтобы вынудить людей сделать то, что я от них хочу. *Я не знал, к кому еще обратиться.* Это ставит человека, которым вы пытаетесь манипулировать, по сути, в безвыходное положение. Единственный вариант – капитулировать. Именно так и поступила моя мама.

– Но у нас так много комнат, – сказала она, когда я пожаловался на вторжение непрошенных гостей. – И это всего на несколько дней.

По-моему, моя мать просто хотела, чтобы поп-звезда немного пожила в ее доме.

Моя сестра прошла мимо меня по лестнице и с легким вздохом остановилась, увидев в коридоре кошачью переноску.

– Как его зовут? – спросила она, опускаясь на колени и всматриваясь сквозь прутья корзины.

– Это девочка. Ее зовут Суки, – ответила Берди.

– Суки, – сказала она, просунув в корзину пальцы. Кошка потерлась об ее руку и громко заурчала.

Мужчина по имени Джастин поднял свой похожий на театральный реквизит чемодан и сказал:

– Где нам поставить наши вещи, Мартина?

– У нас есть для вас прекрасная комната наверху. Дети, покажите нашим гостям желтую комнату, ладно?

Моя сестра повела их за собой. Она была куда более общительной из нас двоих. Взрослые вселяли в меня ужас, в то время как она, похоже, не имела ничего против. Она была в зеленой пижаме. На мне был клетчатый халат и синие войлочные тапочки. Было почти девять вечера, и мы готовились ко сну.

– О! – сказала Берди, когда моя сестра открыла потайную дверь в деревянной панели, ведущую к лестнице на верхний этаж. – Куда ты нас ведешь?

– Это черная лестница, – сказала моя сестра. – Она ведет в желтую комнату.

– Ты хочешь сказать, что это вход для прислуги? – фыркнула Берди.

– Да, – бесхитростно ответила сестра, потому что, хотя она была всего на полтора года младше меня, она была слишком юна, чтобы понимать: не все согласятся с тем, что спать в потайных комнатах наверху потайных лестниц – это забавное приключение; что некоторые люди могут подумать, что они достойны просторных спален и оскорбятся предложением тесных комнатушек.

На самом верху потайной лестницы была деревянная дверь, ведущая в длинный узкий коридор, стены которого были шаткими и кривыми, а половицы неровными и пружи-

нили под ногами, и это напоминало ходьбу по вагону движущегося поезда. Желтая комната была самой красивой из четырех. У нее было три окна в потолке и большая кровать с желтым пододеяльником в тон желтым обоям «Лора Эшли» в мелкий цветочек и современным настольным лампам с синими стеклянными плафонами. Наша мама поставила в вазу желтые и красные тюльпаны. Я наблюдал за лицом Берди, хотел увидеть, как она все это воспримет. И заметил что-то вроде неохотного кивка, как будто бы она сказала: ладно, сойдет.

Мы оставили их в комнате, и я последовал за сестрой. Та спустилась по лестнице вниз, прошла в гостиную, а затем на кухню. Папа откупоривал бутылку вина. Мама в фартуке с рюшами и готовила салат.

– И долго эти люди будут жить у нас? – выпалил я. По лицу отца пробежала тень, когда он уловил нотку дерзости, которую мне не удалось скрыть.

– О, совсем недолго. – Мама заткнула пробкой бутылку красного винного уксуса и, ласково улыбаясь, отставила ее в сторону.

– Можно мы попозже ляжем спать? – спросила моя сестра, не понимавшая всех последствий, потому что глядела не дальше своего носа.

– Не сегодня, – ответила моя мама. – Возможно, завтра, когда наступят выходные.

– А потом они уйдут? – спросил я, осторожно передвигая

границу между мной и терпением моего отца. – После вы-
ходных?

Заметив, как взгляд моей матери переместился через мое плечо, я обернулся. Берди стояла в дверях с кошкой на руках. Кошка была коричневая с белым, и мордочкой похожа на египетскую царицу. Берди посмотрела на меня и сказала:

– Мы с Джастином не станем долго задерживаться у вас, малыш. Поживем немного, пока не найдем собственное жилье.

– Меня зовут Генри, – сказал я, ошеломленный тем, что взрослый человек в моем собственном доме только что называл меня «малышом».

– Генри, – повторила Берди, неприязненно на меня глядя. – Да, конечно.

Моя сестра буквально пожирала кошку взглядом. Заметив это, Берди спросила:

– Хочешь погладить ее?

Моя сестра кивнула, и кошка переместилась ей в руки, где сразу же, словно скрученная резинка, развернулась на сто восемьдесят градусов и вырвалась, оставив на внутренней стороне ее руки ужасную красную царапину. Глаза сестры мгновенно наполнились слезами, губы скривились в храброй улыбке, призванной скрыть боль.

– Все в порядке, – сказала она, когда мама принялась вытирать царапину влажной салфеткой.

– Генри, принеси йод из шкафчика в моей ванной.

Проходя мимо, я бросил на Берди колючий взгляд, давая понять, что она небрежно передала кошку, не думая о том, что та может оцарапать мою сестру. В свою очередь, она тоже посмотрела на меня, и ее глаза превратились в такие узенькие щелочки, что я едва различил их цвет.

Я был странным ребенком. Теперь я это понимаю. С тех пор мне встречалось немало таких же мальчишек, как я: скупых на улыбку, впечатлительных, недоверчивых и настроенных. Подозреваю, что Берди, вероятно, когда-то была очень странной маленькой девочкой. Возможно, она узнала себя во мне. Но я точно знал: она ненавидела меня, даже тогда. Это было очевидно. И эта ненависть была обоюдной.

Шагая через коридор, я прошел мимо Джастина. Он держал в руках потрепанную коробку от конфет «Черная магия» и выглядел растерянным.

– Твои родители там? – спросил он, указывая в направлении кухни.

– Да, – сказал я. – На кухне. Вон под той аркой.

– *Merci beaucoup*, – по-французски поблагодарил он, и, хотя мне было всего десять, я был достаточно взрослым, чтобы понять, какой он напыщенный.

Вскоре после этого нас отправили спать, мою сестру с пластырем на внутренней стороне руки, меня – с расстройством желудка. Да, за мной такое водилось: мои эмоции давали о себе знать расстройством пищеварения.

Я полночи слышал над головой их шаги, пока не положил

на голову подушку и не заснул.

* * *

На следующее утро, когда я первым спустился вниз, на кухонном столе лежала нераскрытая коробка «Черной магии». Меня так и подмывало разорвать целлофан и открыть ее. Скромный акт неповиновения, от которого мне стало бы лучше в краткосрочной перспективе, но гораздо хуже в долгосрочной.

Услышав позади себя какое-то движение, я оглянулся. Как оказалось, это кошка прошмыгнула в дверь следом за мной. Я подумал о царапине на руке моей сестры, вспомнил недовольный голос Берди:

– Это произошло случайно... просто она неправильно ее держала. Суки никого не царапает без причины.

Стоило мне вспомнить эти слова, как меня накрыл пузырь горячего красного гнева. Я громко шикнул на кошку и выгнал ее из кухни.

* * *

В тот день я почти с радостью отправился в школу – хотелось хотя бы несколько часов почувствовать себя нормально. Это был мой последний семестр в начальной школе. В

следующем месяце мне исполнится одиннадцать. Я один из самых младших мальчиков в классе, а затем меня переведут в школу побольше, ближе к дому, школу, где не заставляют носить бриджи. На тот момент я был зациклен на этих дурацких штанишках. Я их перерос, как перерос и всех остальных ребят, с которыми общался. Я точно знал: я не такой, как они. Я совершенно другой. Там не было никого похожего на меня. Я предавался фантазиям о том, как пойду в большую школу и окажусь в окружении таких же мальчишек, как я. В большой школе все было бы лучше. Мне оставалось потерпеть в начальной школе всего десять недель, затем пережить долгое, скучное лето, после чего начнется настоящая жизнь.

Я понятия не имел – совершенно никакого понятия – о том, насколько изменится моя жизнь к концу лета, и что все то, чего я ждал и о чем мечтал, скоро покажется далеким сном.

Либби сидит за кухонным столом. Задняя дверь открыта во двор, который в лучах вечернего солнца кажется сумрачным, но все еще слишком влажным, чтобы там сидеть. В ее стакане диетическая кола со льдом. Она сейчас босиком, босоножки были сброшены спустя пару секунд после того, как она вошла в квартиру. Она открывает крышку своего ноутбука в розово-золотистом корпусе и запускает браузер. Она отказывается верить собственным глазам, увидев, что последним сайтом, который она просмотрела четыре дня назад, до того, как пришло письмо и перевернуло всю ее жизнь, был сайт местной школы сальсы. Господи, и о чем она только думала! Наверно, что это как-то поможет ей познакомиться с нужным мужчиной.

Она открывает новую вкладку и медленно, дрожащими пальцами, набирает в поисковике слова *Мартина и Генри Лэм*. Тотчас выскакивает ссылка на статью в «Гардиан» за 2015 год. Либби щелкает по ней. Статья называется: «Таинственный случай Серенити Лэм и кроличья лапка».

Серенити Лэм, думает она, это была я. Это – я. Я – Серенити Лэм. Я также Либби Джонс. Либби Джонс продает кухни в Сент-Олбансе и хочет научиться танцевать сальсу.

Серенити Лэм лежит в раскрашенной кровати в комнате с деревянными панелями в особняке в Челси, рядом с засу-

нутой под ее одеяло кроличьей лапкой.

Ей никак не удастся обнаружить момент, в который Серенити Лэм перевоплотилась в Либби Джонс. Наверно, это случилось, когда приемная мать впервые обняла ее. Но тогда она была слишком мала, чтобы это понять. Она не знала о превращении Серенити в Либби, о том, как незримо раскручивались и заново скручивались нити ее личности.

Она делает глоток колы и начинает читать.

Дом в Антибе цвета увядших роз: приглушенно-красный, словно присыпанный пудрой, с пронзительно-синими ставнями. Люси жила в нем много лет назад, когда была замужем за отцом Марко. Даже через десять лет после развода она с трудом может заставить себя произнести его имя. Ощущение этого имени на языке и губах вызывает у нее тошноту. Но вот она, стоит возле его дома, и его зовут Майкл. Майкл Риммер.

На подъездной дорожке припаркован красный «Мазератти», скорее всего, взятый напрокат. Про Майкла можно сказать многое, но только не то, что *он настолько богат, каким себя считает*. Подобное утверждение в число его характеристик не входит. Она замечает, как Марко буквально пожирает машину глазами. Он замер, затаив дыхание, и на его лице написано неприкрытое желание, восхищение, восторг.

– Это не его машина, – бормочет мать, – он просто взял ее напрокат.

– Откуда ты знаешь?

– Просто знаю, и все.

Она ободряюще сжимает руку Стеллы. Стелла еще ни разу не видела отца Марко, но она прекрасно знает, какие чувства испытывает к нему ее мама. Они подходят к двери, и Люси нажимает на медный звонок. К дверям подходит гор-

ничная в белом комбинезоне и латексных перчатках. Она улыбается.

– Добрый день, мадам, – здоровается она по-французски.

– Мистер Риммер дома? – спрашивает Люси на безукоризненном английском.

– *Oui*, – говорит горничная. – Да. Он в саду. Подождите одну минуту. – Она достает из кармана комбинезона маленькую черную «Нокию», снимает перчатку и, не сводя глаз с Люси, набирает номер.

– Кто мне представить вас?

– Люси, – отвечает та. – И Марко.

– Сэр... мистер Риммер, здесь женщина по имени Люси. И мальчик по имени Марко. – Она кивает. – Хорошо. Да. Хорошо. О'кей.

Она выключает телефон и сует его обратно в карман.

– Мистер Риммер велел отвести вас к нему. Прошу вас.

Люси следует по коридору за этой низенькой женщиной.

Шагая, она старается не смотреть на то место у основания каменной лестницы, где она лежала со сломанной рукой и сломанным ребром. Майкл столкнул ее, когда она была на четвертом месяце беременности, нося под сердцем Марко. Она старается не смотреть на то место в коридоре, где Майкл несколько раз ударил ее головой об стену, потому что у него, видите ли, выдался на работе плохой день – по крайней мере, так он объяснил случившееся спустя час, когда пытался помешать ей уйти, заявив, что он так сильно ее любит, что *не*

сможет без нее жить. О, ирония судьбы! А теперь он женат на другой женщине и жив-здоров!

Они подходят к черному ходу, и Люси чувствует, как дрожат ее руки. Как же хорошо она знает эти огромные деревянные двойные двери! Они открываются в тропическое великолепие сада, где бабочки-бражники кормятся цветочной пылью, где в тенистых углах растут банановые деревья, где журчит, падая вниз с декоративных каменных горок, маленький водопад, а в самой южной точке под полуденным солнцем поблескивает прямоугольник лазурно-голубой воды.

А вот и он сам, Майкл Риммер собственной персоной. Сидит за столиком возле бассейна, с беспроводным наушником в одном ухе, перед ним – открытый ноутбук и два мобильных телефона. Однако небольшая бутылка пива сводит к нулю впечатление делового человека, которого он, несомненно, изображает.

– Люси! – восклицает он, расплываясь в улыбке, и вскакивает на ноги, втягивая при этом загорелый живот, дабы скрыть тот факт, что в сорок восемь лет он вряд ли может похвастаться спортивным телосложением тридцативосьмилетнего мужчины, от которого она сбежала десять лет назад. Он достает из уха наушник и направляется к ней. – Люси! – повторяет он с фальшивой теплотой в голосе и протягивает ей навстречу руки.

Люси машинально пятится назад.

– Майкл, – отвечает она, с опаской отодвигаясь от него.

Видя это, он протягивает руки к Марко и обнимает его.

– Так ты ей все-таки сказал?

Марко кивает.

Майкл бросает на него будто бы укоризненный взгляд.

– А это кто? – спрашивает Майкл, обращая внимание на

Стеллу, которая цепляется за ногу Люси.

– Это Стелла, – говорит та. – Моя дочь.

– Ого! – восклицает Майкл. – Какая красотуля! Приятно познакомиться, Стелла.

Он протягивает ей руку. Люси подавляет в себе искушение оттолкнуть Стеллу в сторону.

– А это кто? – он смотрит на собаку.

– Это Фицджеральд. Или Фитц для краткости.

– Как Ф. Скотт?

– Да, как Ф. Скотт. – Она чувствует легкий прилив адреналина. Она отлично помнит сеансы «вопрос-ответ», которым он когда-то безжалостно подвергал ее, чтобы показать ей, что она глупа и необразованна, недостойна его и вообще, должна радоваться тому, что он снизошел до нее. Но в глубине ее души всегда было нечто крошечное, твердое и непоколебимое, напоминавшее ей о том, что он неправ, что однажды она уйдет от него, и как только это случится, она больше никогда не оглянется назад. И вот теперь она нервно отвечает на его вопросы, собирается попросить у него денег, и, по сути, отброшена назад – туда, откуда начала.

– Привет, Фитц, – говорит он, почесывая пса под подбо-

родком. – Какой славный песик! – Затем отступает назад и оценивающим взглядом окидывает Люси и ее маленькую семью.

Точно так же он оценивал Люси, когда думал, какое выбрать для нее наказание. То же острое лезвие минут, которые могли закончиться смехом и объятием или же сломанным пальцем или до красноты перекрученной кожей.

– Ну-ну, – говорит он, – вы только посмотрите на себя. Вы все просто прелесть. Принести вам что-нибудь? Может, сока? – Он смотрит на Люси. – Им можно пить сок?

Она кивает, и Майкл смотрит на горничную. Та стоит в тени террасы в задней части дома.

– Джой! Немного сока для детей! Спасибо! А ты, Люси, что будешь? Вино? Пиво?

Люси не пила уже несколько недель. Она бы отдала все на свете за глоток пива. Но лучше не стоит. В течение ближайшего получаса она должна сохранять ясность мыслей. Она отрицательно качает головой.

– Нет, спасибо. Меня вполне устроит сок.

– Три сока, Джой. Спасибо. А для меня еще одно пиво. Да, и немного картофельных чипсов. Тех, как их там называют, рифленых. Ну, вы поняли.

Он снова переводит взгляд на Люси – нарочито удивленный и по-мальчишески озорной.

– Садитесь, садитесь.

Он переставляет стулья, и они садятся.

– Итак, – говорит он, – Люси Лу, как, черт возьми, ты поживаешь?

Она пожимает плечами и улыбается.

– Сам знаешь. Потихоньку. Старею. Становлюсь мудрее.

– И ты все это время была здесь?

– Да.

– Так и не вернулась в Англию?

– Нет.

– И твоя дочь... кто ее отец? Ты замужем?

– Нет, – снова говорит она. – Мы жили вместе пару лет.

А потом, около трех лет назад, он вернулся в Алжир, чтобы «навестить семью», и с тех пор мы о нем ничего не знаем.

Ни слуху ни духу.

Майкл морщится, как будто в его глазах исчезновение отца Стеллы сродни физическому насилию по отношению к Люси. Как говорится, чья бы корова...

– Понятно, – говорит он. – Как все сложно. Значит, ты мать-одиночка?

– Именно. Она самая.

Джой возвращается, неся на подносе кувшин охлажденного апельсинового сока, три стакана на круглых картонных подставках, чипсы в маленьких серебряных мисочках, крошечные бумажные салфетки и пластмассовые соломинки. Майкл наливает сок, вручает каждому из них по стакану и предлагает рифленые чипсы. Дети жадно набрасываются на них.

– Помедленнее, – шипит на них Люси.

– Все в порядке, – говорит Майкл. – У меня их большой запас. Так где ты живешь?

– То здесь, то там.

– А ты все еще?.. – Он жестами изображает игру на скрипке.

Она криво улыбается.

– Да... играю. То есть играла. Пока какой-то пьяный придурок-англичанин на одном мальчишнике не решил выхватить ее у меня, а потом заставил в течение получаса бегать за ним и его друзьями, чтобы вернуть инструмент... после чего разбил скрипку о стену. Сейчас она в ремонте. Или, возможно, ее уже отремонтировали. Но... – Во рту у нее пересыхает от страха. – У меня нет денег, чтобы заплатить за работу и забрать ее.

Он смотрит на нее, как бы говоря «*бедная ты моя*». Этим взглядом он удостаивал ее всякий раз после того, как делал ей больно.

– Сколько? – спрашивает он и уже ерзает на стуле, чтобы достать из заднего кармана бумажник.

– Сто десять евро, – говорит Люси, и ее голос слегка дрожит.

Она наблюдает, как Майкл отсчитывает банкноты. Он складывает их пополам и передает ей.

– Возьми, – говорит он. – Тут чуть больше. Может, останется на стрижку для моего мальчика. – Он снова взъероши-

вает волосы Марко. – А может, и на твою тоже. – Он смотрит на ее волосы, и на его лице появляется пугающее выражение мрачного разочарования. *Ты опустила, ты не следишь за собой. Ты не прикладываешь усилий. Как я могу любить тебя. Ты. Не. Делаешь. Никаких. Гребаных. Усилий.*

Она берет из его руки сложенные банкноты и тотчас ощущает едва заметный рывок: он сжимает деньги крепче, как будто не хочет выпускать, как бы намекая, что она в его власти. Затем улыбается и ослабляет хватку. Люси прячет деньги в кошелек.

– Спасибо тебе. Ты меня выручил. Я верну тебе деньги через пару недель. Обещаю.

– Нет, – говорит он, откидываясь на спинку стула, слегка раздвигая ноги и мрачно улыбаясь. – Не надо их мне возвращать. Но...

По позвоночнику Люси пробегает холодок.

– Обещай мне одну вещь.

Ее улыбка как будто замерзает.

– Я хотел бы видеть вас. В смысле, чаще. Тебя и Марко. И тебя тоже, конечно. – Он хмуро смотрит на Стеллу и подмигивает ей. – Я здесь все лето. До середины сентября. Между работами. Ты знаешь.

– А твоя жена?..

– Рейчел пришлось вернуться. У нее важные дела в Англии. – Он говорит это пренебрежительным тоном. Люси не в курсе, кто его жена. Она вполне может быть хирургом или

политиком, в ее руках могут быть жизни сотен, а то и тысяч людей. Но что касается Майкла, все, что отвлекает внимание женщины от его персоны даже на мгновение, – не более чем жалкая шутка. Включая детей.

– Понятно, – говорит она, – как жаль.

– Я бы не сказал, – говорит он. – Мне нужно было немного пространства. Потому что угадай, чем я сейчас занимаюсь...

Люси бодро качает головой и улыбается.

– Я пишу книгу. Или, точнее, мемуары. Или, возможно, и то, и другое. Полуавтобиографическая вещь. Я сам пока толком не решил.

Боже, как же он самодоволен, думает Люси, словно ждет, чтобы я сказала: «Ух, ты, Майкл, это надо же! Какой ты умный!» Вместо этого она готова рассмеяться ему в лицо: «Ха, ты пишешь книгу? Ты это серьезно?»

– Здорово, – наконец произносит она. – Представляю, как это интересно.

– Это точно. Хотя пока что идет туго, чему не стоит удивляться. Так что было бы просто классно почаще видеться с вами. Потусоваться немного. Мы могли бы поплавать вместе в бассейне.

Люси вслед за ним поворачивает голову к бассейну. У нее тотчас перехватывает дыхание, легкие судорожно расширяются и сжимаются снова, сердце бешено колотится: она отлично помнит, как ее голова уходит под эту идеально голубую воду, а его руки давят ей на макушку. Как он толкает ее

вниз, как не дает вынырнуть на поверхность, и так до тех пор, пока ее легкие едва не лопаются. Затем он внезапно отпускает ее, и она выныривает, задыхаясь и хрипя. Он же неторопливо выбрался из бассейна, взял с шезлонга полотенце, обмотался им и, не оглядываясь, вернулся обратно в дом.

– Я мог бы убить тебя, – сказал он позже. – Если бы захотел. Надеюсь, тебе это понятно? Я мог бы убить тебя.

– Тогда почему ты меня не убил? – спросила она.

– Потому что не захотел.

– Спасибо, – говорит она сейчас, – может, как-нибудь придем. Хотя этим летом мы довольно заняты.

– Нисколько не сомневаюсь, – снисходительно говорит он.

– Если честно, – говорит Люси, поворачиваясь и глядя на дом, – я всегда думала, что ты продал его. Я частенько видела, как здесь жили другие люди.

– Я сдаю его летом, – говорит он. В его голосе, голосе блестящего, невероятного, успешного, богатого Майкла Риммера слышится стыд – это надо же так низко пасть, чтобы летом сдавать свой дом на Лазурном берегу чужим людям! – Было бы обидно, – спешит добавить он, – если бы дом пустовал, когда в нем могут хорошо провести отпуск другие люди.

Она кивает. Пусть он цепляется за свою жалкую маленькую ложь. Он ненавидит «других людей». Он наверняка продезинфицировал дом сверху донизу, прежде чем вернулся в него.

– Вообще-то, – говорит она, поворачиваясь, чтобы улыб-

нуться детям, – думаю, нам пора.

– Нет, – говорит Майкл. – Побудьте еще немного! Почему бы нет? Я открою бутылку чего-нибудь. Дети могут поплескаться в бассейне. Будет весело.

– Музыкальный магазин скоро закроется, – объясняет Люси, стараясь не показать, что нервничает. – Мне действительно нужно забрать скрипку, чтобы я могла поработать сегодня вечером. Но спасибо. Огромное спасибо. Что нужно сказать, дети?

Дети благодарят, и Майкл расплывается в улыбке.

– Красивые дети, – говорит он, – очень красивые.

Он провожает их до входной двери. Похоже, он хочет обнять Люси, но та быстро опускается на колени, чтобы поправить на собаке ошейник. Стоя в дверном проеме, Майкл наблюдает за ними поверх капота своей нелепой машины. Его губы все еще растянуты в улыбке.

На миг Люси кажется, что ее вот-вот вырвет.

Она останавливается и хватается ртом воздух. Они уже собираются повернуть за угол, собака внезапно садится на задние лапы и откладывает возле стены дома Майкла, на солнышке, небольшую кучку дерьма.

Люси достает из сумки пластиковый пакет, чтобы убрать за псом. Однако останавливается. Через час дерьмо запузывается на солнцепеке, как сыр бри. Это будет первое, что он увидит в следующий раз, когда выйдет из дома. Он может даже вляпаться в эту кучку.

Она оставляет дерьмо на месте.

В субботу Либби была приглашена на барбекю к подруге. Она с нетерпением ждала этого дня. Ее подруга Эйприл сказала ей, что она пригласит «крутого парня со своей работы. Думаю, он тебе понравится. Его зовут Дэнни».

Но когда наступает суббота, очередной жаркий день, когда на небе ни единого облачка, а окна, когда Либби открывает их, уже раскалены и обжигают руку, она не думает ни о крутом парне Дэнни, ни о коронном салате Эйприл с кускусом и специями, ни о бокале коктейля «апероль-шприц», ни о надувном бассейне, на бортике которого она сидит, опустив в него ноги. Все ее мысли сосредоточены на загадочном деле Серенити Лэм и кроличьей лапке.

Она отправляет Эйприл эсэмэску.

Мне очень-очень-очень жаль. Хорошего тебе дня. Дай мне знать, если ты все еще будешь в силах этим вечером, и я загляну ближе к ночи.

Затем она принимает душ, надевает комбинезон с тропическим принтом и сандалии из золотистой кожи, втирает в руки и плечи солнцезащитный крем, пристраивает на макушку солнцезащитные очки, проверяет, положила ли в сумочку ключи от дома, и садится в поезд, следующий в Лондон.

Либби вставляет ключ в навесной замок на деревянном

щите и поворачивает. Замок открывается, и она вставляет в замочную скважину передней двери еще один ключ. Ей все время кажется, что ей на плечо вот-вот ляжет чья-то рука, что кто-то спросит ее, что она здесь делает и есть ли у нее разрешение открывать эту дверь.

И вот она в доме. В своем собственном доме. И она одна. Либби закрывает за собой дверь. Утренний уличный шум мгновенно стихает, обожженная солнцем шея саднит меньше.

На пару секунд она застывает на месте, представляя, как здесь, где она сейчас стоит, топчутся полицейские. На головах у них старомодные шлемы. Она знает, как они выглядят, потому что в статье в «Гардиан» были их фотографии. Констебли Али Шах и Джон Роббин. Они приехали сюда в ответ на анонимный звонок, поступивший от «неравнодушного соседа». Этот загадочный сосед так никогда больше и не объявился.

Она идет по незримым следам Шаха и Роббина в кухню. Ей кажется, что запах усиливается.

Констебль Шах говорил о жужжании мух. По его словам, ему показалось, будто кто-то оставил включенной машинку для стрижки волос или электрическую зубную щетку. По словам полицейских, трупы находились на самых ранних стадиях разложения. В них все еще можно было узнать тела привлекательной темноволосой женщины тридцати с лишним лет и мужчины постарше, с волосами с проседью. Они

держались за руки. Рядом с ними лежал труп другого мужчины, лет сорока с лишним. Высокий. Темноволосый. Все они были одеты в черное: женщина – в тунике и легинсах, мужчины – в балахонах. Как выяснилось, все предметы одежды были самодельные. Позже в задней комнате нашли швейную машинку и обрезки черной ткани в мусорном ведре.

Не считая жужжания мух, в доме стояла оглушительная тишина, как в склепе. По словам полицейских, им бы и в голову не пришло искать ребенка, если бы не оставленная на обеденном столе записка. Они едва не пропустили гардеробную, расположенную рядом с главной спальней, но потом услышали какой-то звук или скорее вздох, рассказывал констебль Шах.

Вздох.

Либби медленно поднимается по лестнице в спальню и заглядывает за угол двери в гардеробную.

Она была там! Здоровая и цветущая! Именно так и сказал констебль Роббин. Здоровая и цветущая девочка!

При виде раскрашенной детской кроватки по ее спине пробегают мурашки. Но она преодолевает робость и смотрит на кроватку, пока к ней не возвращается самообладание. Через мгновение она находит в себе мужество прикоснуться к ней. Она представляет двух молодых полицейских, заглядывающих в кроватку. Она воображает себя в чистых белых ползунках и с отросшими волосиками, похожими на кудряшки Ширли Темпл, хотя ей всего десять месяцев. При виде

двух дружелюбных лиц, глядящих на нее сверху вниз, она взволнованно дрыгает ножками.

– Она пыталась встать, – рассказывал Роббин. – Она подтягивалась, хватаясь за бортики кровати. Хотела, чтобы ее взяли на руки. Мы не знали, что делать. Она была «вещественным доказательством». Имели мы право прикасаться к ней? Или нам следовало звонить в участок? Мы находились в замешательстве.

Видимо, в конце концов они решили не вынимать дитя из кроватки. Пока они ждали указаний от начальства, констебль Шах пел ей песни. Как жаль, что она этого не помнит. Какие же песни он пел ей, этот добрый молодой полицейский? Ему нравилось петь ей? Или он чувствовал себя глупо? Согласно газетной статье, впоследствии у него было пятеро собственных детей, но когда он нашел Серенити Лэм в ее кроватке, у него не было опыта обращения с младенцами.

Вскоре в дом прибыла команда следователей, в том числе женщина-полицейский, которой поручили ребенка. Ее звали Фелисити Межерс. Ей был сорок один год.

Сейчас ей шестьдесят пять лет, недавно она вышла на пенсию и живет в Алгарве со своим третьим мужем. «Она была просто прелесть, – цитировала статья ее слова. – Золотые кудряшки, сытый ухоженный ребенок. Улыбчивый и милый. Что просто невероятно, если принять во внимание обстановку, в которой ее оставили. Обстановка же была просто готичной, честное слово. Да-да, совершенно готичной».

Либби толкает кровать, и та жалобно скрипит, словно жалуясь на свой почтенный возраст. Для кого она была куплена? Неужели для нее? Или для нескольких поколений младенцев до нее? Потому что теперь ей известно, что в ее истории присутствуют и другие действующие лица. Не только Мартина и Генри Лэм и загадочный третий человек. Не только пропавшие дети. Соседи говорили не о двоих, а о «нескольких» детях, о других людях, «приходивших и уходивших». Дом был полон невидимых пятен крови и следов ДНК, волокон и выпавших волос, странных отметин и каракулей на стенах и тайных дверях. А ведь еще есть сад, где полно грядок с лекарственными растениями, часть которых была использована в совместном самоубийстве ее родителей.

«Мы освобождаемся от этих немощных тел, от этого презренного мира, от боли и разочарования. Нашего ребенка зовут Серенити Лэм. Ей десять месяцев. Пожалуйста, сделайте так, чтобы она попала к хорошим людям. Покой, навсегда, ГЛ, МЛ, ДТ», – говорилось в записке, лежавшей рядом с их разлагающимися телами.

Либби выходит из комнаты и медленно бродит по дому, выискивая странные вещи, найденные после смерти обитателей дома. В статье говорилось, что вечером, когда произошло самоубийство, в доме был кто-то еще и этот кто-то оставил распахнутыми двери шкафа, оставил продукты в холодильнике, полуоткрытые книги на полу. Со стен были содра-

ны листы бумаги, и на их месте остались лишь приклеенные скотчем уголки.

Либби находит одну из таких полосок скотча на стене кухни. Она пожелтела и высохла до хруста. Либби вытаскивает из-под нее крошечный клочок бумаги и, положив себе на ладонь, разглядывает. Что было на листе бумаги, который люди, спасавшиеся с этого тонущего корабля, не рискнули оставить для посторонних глаз?

На кухне, обставленной в сельском стиле, есть холодильник, огромный ржавый холодильник американского образца, кремово-бежевый, что, вероятно, было довольно необычно для Англии восьмидесятых годов. Она открывает его и заглядывает внутрь. Пятна плесени, пара треснувших и сломанных пластиковых лотков для льда, и ничего более. В кухонных шкафчиках ее встречают лишь пустые эмалированные банки и пакет муки, настолько старый, что мука слежалась в кирпич. Есть набор белых чайных чашек, хромированный чайник, древние баночки с сухими травами и специями, подставка для тостов и большой черный поднос. Она царапает черную краску и обнаруживает под ним серебро. Интересно, зачем кому-то понадобилось покрасить серебряный поднос в черный цвет?

Внезапно она замирает на месте. Она что-то услышала. Какое-то движение наверху. Она ставит поднос обратно в шкаф и встает у подножия лестницы. Она вновь слышит звук, что-то вроде глухого удара. Ее пульс учащается. Она на

цыпочках заходит на лестничную площадку. Звук раздаётся снова. И ещё раз. Затем – при этом звуке её сердце едва не выскакивает из груди – кто-то прочищает горло.

Мистер Ройл, думает она, это, должно быть, мистер Ройл, адвокат. Кто ещё это может быть? Войдя сюда, она закрыла за собой дверь. Она это точно помнит.

– Привет! – кричит она. – Здравствуйте, мистер Ройл!

В ответ тишина. Мгновенное, демонстративное молчание.

– Привет! – снова кричит она. И вновь давящая тишина, как будто на крышу дома уселся медведь. Ей кажется, будто она слышит биение чужого пульса.

Она мысленно перебирает другие загадки, о которых узнала из статьи: покинувшие дом дети, загадочный некто, оставшийся, чтобы ухаживать за ней. Она вспоминает каракули на стенах, полоску ткани, свисающую с радиатора отопления, царапины на стенах, невнятную записку, оставленную её родителями, голубые розы на скрипучей детской кровати, листы бумаги, сорванные со стен, пятна крови и замки с наружной стороны дверей детских комнат.

Затем она снова вспоминает аккуратную лужайку у дома своей подруги Эйприл, её пряный кускус, пронзительно-оранжевый «апероль» в бокалах, потные ноги в ледяной воде надувного бассейна. Она думает о красавчике Дэнни и о потенциальных детях, которые у них могут родиться, когда ей будет тридцать. Или раньше. Да, почему не раньше? Зачем откладывать? Ей ничто не мешает продать этот дом

с его мрачным, ужасным прошлым, с заплесневелым холодильником и заглохшим садом, с человеком на чердаке, топаящим по половицам и покашливающим. Она может продать его сейчас и стать богатой, выйти замуж за Дэнни и завести детей. Какая разница, что здесь произошло. Ей не интересно это знать.

Она копается в сумочке, достает ключи, запирает большую деревянную входную дверь на врезной и навесной замок и с облегчением выходит на горячий тротуар. Выйдя, достает из сумочки телефон.

В приглушенном свете мастерской по ремонту музыкальных инструментов Люси вертит свою скрипку и так и сяк. Затем прижимает ее подбородком и быстро играет трехоктавную мажорную гамму и арпеджио, проверяя звучание. Похоже, с ним все в порядке: она не услышала ни «волчьих нот», ни посвистывания.

Она с улыбкой поворачивается к мсье Винсенту.

– Это потрясающе, – говорит она по-французски. – Даже лучше, чем было раньше.

Ее сердце успокаивается. Пока она спала на пляжах и под эстакадами автомагистралей, она даже не осознавала, сколько тяжело ей было расстаться со своим инструментом и сколько ненависти она носила в душе к пьяным придуркам, разбившим ее скрипку. Но, что самое главное, она не осознавала, как скучали ее пальцы по смычку и струнам.

Она отсчитывает купюры по двадцать евро и кладет их на прилавок. Мсье Винсент выписывает квитанцию, вырывает ее из блокнота и вручает ей. Затем берет с прилавка два леденца «Чупа-чупс» и вручает по одному каждому из детей.

– Береги свою маму, – говорит он Марко. – И свою сестру.

В прохладном вечернем воздухе, выйдя из мастерской, Люси снимает с леденца целлофановую обертку и вручает его Стелле. Затем они идут к туристическому центру. Дети сосут леденцы, собака бредет по раскаленному от зноя тротуара, вынюхивая выброшенные куриные косточки или выпавшее из чьих-то рук мороженое. У Люси до сих пор нет аппетита. Встреча с Майклом полностью отбила его.

В ресторанах и кафе уже появились первые вечерние посетители – пожилые пары или родители с маленькими детьми. Это более скупая публика, чем та, что заполнит улицы позже. Та, более поздняя, обычно бывает в состоянии подпития. Этот народ не стесняется подходить к особе в легкомысленной тюлевой юбке и топе на бретельках, с загорелыми мускулистыми руками, большой грудью, пирсингом в носу и цепочкой на лодыжке, с двумя красивыми, сонного вида детьми, сидящими на коврик для йоги позади нее в тени дерева. Рядом с ними, положив голову на лапы, лежит облезлый терьер породы джек-рассел. Эту публику не напрягают усталые малыши, которым давно пора спать. Они не задаются циничным вопросом о том, на что она потратит полученные деньги – на наркотики или алкоголь, и не служат ли дети и собака лишь для того, чтобы вызвать у окружающих жалость, и не побьет ли она их, когда они вернутся до-

мой, если она не заработает достаточно денег. Она всякого наслушалась за эти годы. В чем ее только не обвиняли! Но теперь у нее очень толстая кожа.

Она достает из рюкзака шляпу. Раньше Марк называл ее «шляпой для денег». Теперь он называет ее «шляпой для попрошайничества». Он ненавидит эту шляпу.

Она кладет ее на землю перед собой, открывает футляр и вытаскивает скрипку. Затем оглядывается, проверяя, удобно ли устроились дети. У Марко есть книга для чтения. У Стеллы раскраска. Сын устало смотрит на нее.

– Мы долго здесь будем?

Ох уж эта подростковая нетерпеливость, а ведь ему еще нет и тринадцати. До его дня рождения еще много, много месяцев.

– Пока я не заработаю денег на неделю в «Голубом доме».

– И сколько это стоит?

– Пятнадцать евро за ночь.

– Не знаю, почему ты не попросила у моего отца больше денег. Он бы не обеднел, если бы дал тебе еще одну сотню. Без всяких проблем.

– Марко, ты знаешь почему. А теперь не мешай мне.

Марко фыркает себе под нос и поднимает брови. Затем опускает взгляд в книгу. Люси поднимает скрипку к подбородку, отводит правую ногу в сторону, закрывает глаза, делает глубокий вдох и начинает играть.

Сегодня хороший вечер. Вчерашний ливень принес прохладу. Сейчас не так жарко, как обычно, и люди более расслаблены. Сегодня вечером многие останавливаются поглазеть и послушать, как Люси играет на скрипке. Она исполняет каверы песен из репертуара групп Pogues и Dexys Midnight Runners. Во время исполнения одной только песни Come On Eileen, по ее прикидкам, ей в шляпу упало примерно пятнадцать евро. Люди танцуют и улыбаются. Одна пара лет за тридцать дает ей купюру в десять евро, потому что они только что обручились. Женщина средних лет дает ей пятерку, потому что ее отец играл на скрипке, и Люси своей игрой растрогала ее и напомнила о счастливом детстве.

К половине девятого Люси поиграла в трех местах и заработала почти семьдесят евро. Она собирает детей, собаку и сумки. У Стеллы уже слипаются глаза. Люси с грустью вспоминает те дни, когда можно было усадить Стеллу в коляску, отвезти домой, вынуть и сразу положить в кровать. Теперь же она должна разбудить ее, заставить идти, стараться не кричать на нее, когда она хнычет от того, что слишком устала.

От променада до «Голубого дома» десять минут ходьбы. Он стоит на полпути к холму, где раскинулся Замковый холм. Это длинное узкое здание, первоначально выкрашен-

ное в небесно-голубой цвет, когда-то было элегантным особняком с видом на Средиземное море. Теперь же это облупившийся и серый, обветшавший от непогоды дом, со стеклами в трещинах, увитый цепляющимся за водосточные трубы плющом.

В 1960-х годах дом купил некто по имени Джузеппе. Он довел дом до ручки, после чего продал новому владельцу, который заселил его разного рода бродягами, по одной семье в одну комнату. Ванные комнаты были общими, в комнатах шныряли тараканы, удобств в доме не было, плата принималась только наличными. Новый хозяин разрешил Джузеппе остаться в однокомнатной квартире на первом этаже в обмен на небольшую арендную плату и помощь в присмотре за домом и поддержании в нем порядка.

Джузеппе любит Люси.

– Будь у меня дочь, – всегда говорит он, – она была бы такой, как ты. Я клянусь.

В течение нескольких недель после того, как ее скрипку разбили, Люси не платила за жилье и ждала, когда хозяин дома ее выгонит. Но один из жильцов сказал ей, что Джузеппе платит за нее. Она в тот же вечер собрала вещи и ушла, не попрощавшись.

Они доходят до поворота к «Голубому дому». Люси нервничает, а затем и вовсе впадает в панику. Что, если у Джузеппе нет для нее комнаты? Что, если он зол на нее за то, что она ушла, не попрощавшись, и захлопнет у нее перед носом

дверь? Или вдруг он куда-то уехал? Или умер? Или дом сгорел?

Но нет, он подходит к двери, приоткрывает ее, не снимая цепочки, смотрит в щель и улыбается сквозь седоватые заросли бороды и усов, демонстрируя ряд коричневых зубов. Заметив ее скрипку, он улыбается еще шире.

– Моя девочка, – говорит он, снимая цепочку и открывая дверь. – Мои дети. Моя собака! Входите!

Пес сходит с ума от радости: прыгает в объятия Джузеппе и едва не сбивает его с ног. Стелла обнимает его за ноги, Марко прижимается к Джузеппе и позволяет ему поцеловать себя в макушку.

– У меня есть семьдесят евро, – говорит Люси. – Этого хватит на несколько ночей.

– У тебя есть скрипка. Можешь оставаться здесь, сколько захочешь. Смотрю, ты похудела за это время. Вы все худые, кожа да кости. У меня есть только хлеб. И немного ветчины. Правда, ветчина не очень хорошая, зато у меня есть неплохое масло...

Они идут за ним в его квартирку на первом этаже. Пес тут же прыгает на диван, сворачивается клубком и смотрит на Люси, словно говоря: «Ну наконец-то». Джузеппе идет в свою крошечную кухню и возвращается с хлебом, ветчиной и тремя крошечными стеклянными бутылочками «Оранжевые». Люси садится рядом с псом на диван, гладит его и вздыхает, чувствуя, как внутреннее напряжение постепенно

оставляет ее. Затем сует руку в рюкзак и нащупывает телефон.

За ночь аккумулятор полностью разрядился. Она достает зарядное устройство.

– Можно я заряджу телефон? – спрашивает она у Джузеппе:

– Конечно, любовь моя. Здесь есть свободная розетка.

Она подключает телефон и удерживает кнопку включения, ожидая, когда он оживет.

Уведомление все еще там.

Мальшике 25 лет.

Она сидит за кофейным столиком и смотрит, как дети уплетают хлеб с ветчиной. Унижения прошлой недели начинают отпускать ее и постепенно исчезают, как волны смывают следы на песке. У ее детей есть крыша над головой. У нее есть еда. У нее есть скрипка. У нее есть кровать, чтобы спать. У нее есть деньги в кошельке.

Джузеппе наблюдает за тем, как едят дети. Затем переводит взгляд на Люси и улыбается.

– Я так волновался за вас всех. Где вы были?

– О, – беззаботно отвечает она, – жили у знакомых.

– Но... – начинает Марко.

Она толкает его локтем в бок и поворачивается к Джузеппе.

– Маленькая птичка начирикала мне на ушко, что ты делал, старый греховодник. И я не могла этого вынести. Про-

сто не могла. И я знала: скажи я тебе, что я ухожу, ты бы убедил меня остаться. Поэтому мне пришлось улизнуть, и, если честно, у нас все было хорошо. В полном порядке. Ты только посмотри на нас! У нас все хорошо.

Она кладет Фитца на колени и прижимает его к себе.

– А у тебя снова есть скрипка?

– Да, я вернула свою скрипку. Так скажи... у тебя есть свободная комната? Не обязательно наша обычная. Любая. Нас устроит любая.

– Комната есть. Правда, в задней части дома и без красивого вида из окон. И слегка темноватая. И еще душ сломан, есть один только кран. Если ты согласна, я уступлю ее тебе за двенадцать евро за ночь.

– Да, – говорит Люси, – я согласна! – Она опускает собаку, поднимается на ноги и обнимает Джузеппе. Он пахнет старостью и пылью, немного грязью и потом, но ей все равно. – Спасибо, – говорит она, – большое спасибо.

* * *

Этой ночью они спят на крошечной двуспальной кровати в темной комнате в задней части дома. Шуршание автомобильных шин по нагретому асфальту соперничает со скрипом дрянного пластикового вентилятора, гоняющего по комнате духоту, орущим в соседней комнате телевизором и жужжащей мухой, застрявшей между занавесками и окном. Спя-

щя Стелла ткнула кулачком в лицо Люси, Марко тихонько стонет во сне, а собака храпит. Но Люси мгновенно проваливается в сон и впервые за целую неделю спит крепко, глубоко и долго.

Этот день, 8 сентября 1988 года, должен был стать моим вторым днем учебы в большой школе, но как вы, наверное, уже догадались, в этом году я так и не пошел в свою долгожданную большую школу, в школу, где я бы встретил родственные души, друзей и товарищей на всю жизнь. В то лето я все время спрашивал маму:

– Когда мы пойдем в «Хэрродс» и купим мне форму?

И она отвечала:

– Давай подождем до конца каникул, вдруг ты сильно вырастешь.

Приближался конец каникул, но мы до сих пор так и не сходили в «Хэрродс».

А также не побывали в Германии. Обычно мы ездили туда на неделю или две, погостить у моей бабушки в ее просторном доме в Шварцвальде, с бассейном и шелковистыми сосновыми иглами под ногами. Но этим летом мы, похоже, не могли себе этого позволить, и если мы не могли позволить себе полететь в Германию, то как, думал я, мы сможем оплатить обучение в школе?

К началу сентября мои родители подали заявления в местные государственные школы и внесли наши имена в очередь на зачисление. Они никогда конкретно не говорили, что у нас возникли финансовые проблемы, но было ясно, что де-

ло обстоит именно так. У меня несколько дней болел живот, потому что я боялся, что в школе меня будут травить.

О, такие пустяковые, крошечные проблемы. Такие ничтожные заботы.

Оглядываясь в прошлое, я вижу одиннадцатилетнего себя: странноватый мальчик, среднего роста, худощавый. Голубые глаза матери, каштановые волосы отца, коленки, похожие на картофелины, насаженные на палки, недовольно поджатые тонкие губы, слегка высокомерное поведение. Избалованный мальчик, убежденный, что все главы его жизни уже аккуратно написаны и будут, как полагается, следовать одна за другой. Я оглядываюсь на него, и мне хочется врезать ему по его глупому, надменному, наивному лицу.

* * *

Присев на корточки, Джастин перебирал руками растения, которые он выращивал в огороде.

– Лекарственные травы: сажаем, выращиваем, применяем, – объяснил он мне, нараспев растягивая слова. – Крупные фармацевтические компании задались целью развратить нашу планету. Через двадцать лет мы станем страной наркоманов, получающих всякую дрянь по рецепту в аптеке, а государственное здравоохранение будет стоять на коленях, пытаясь заплатить за «конфетки» больной нации. Я хочу повернуть время вспять и использовать для лечения повседневных

заболеваний то, что дает нам земля. Чтобы вылечить головную боль, вам не нужно восемь типов химических соединений. Твоя мать заявила, что отказывается употреблять таблетки и готова принимать мои настойки.

Я смотрел на него. В нашей семье мы все принимали таблетки. Не одни, так другие. Таблетки от сенной лихорадки, таблетки от простуды, таблетки от болей в животе и головной боли, от невралгических болей в детском возрасте и от похмелья. У моей матери даже имелись таблетки от того, что она назвала «грустными чувствами». У моего отца были таблетки от сердца и таблетки, замедлявшие выпадение волос. Таблетки от всего на свете. И вот теперь мы, похоже, будем выращивать полезные травы и сами делать лекарства. Что предполагало веру в их чудодейственные свойства.

* * *

Во время летних каникул у моего отца случился микроинсульт. Его последствиями стала хромота и нарушение нормальной дикции. Отец стал не похож на себя прежнего. Видя его состояние, я чувствовал себя непривычно уязвимым, как будто в крепостных стенах нашей семьи была пробита небольшая, но серьезная брешь.

Его личный врач, человек неопределенного возраста по имени доктор Броутон, который жил и принимал пациентов в шестиэтажном доме за углом, пришел осмотреть его после

того, как отец вернулся из больницы, где провел ночь. Они с отцом сидели в саду, курили сигары и обсуждали дальнейшее лечение.

– Знаете, Генри, вам нужен хороший реабилитолог-физиотерапевт. К сожалению, все реабилитационные физиотерапевты, которых я знаю, просто ужасны.

Они рассмеялись, и мой отец произнес:

– Я не уверен, я больше ни в чем не уверен. Но я попробую. Если честно, я готов на что угодно, просто чтобы стать прежним.

Пока они беседовали, Берди ухаживала за аптекарским огородом Джастина. Было жарко, и на ней был тонкий муслиновый топик, сквозь который просвечивались ее соски. Она сняла мягкую холщовую шляпу и остановилась перед моим отцом и его доктором.

– Я знаю кое-кого, – заявила она, уперев руки в боки. – Просто удивительный человек. Можно сказать, чудотворец. Он использует энергию. Он умеет перемещать энергию ци по всему телу. Он избавил моих хороших знакомых от боли в спине. От мигрени. Я попрошу его прийти и посмотреть вас.

Я слышал, как мой отец запротестовал. Но Берди сказала:

– Нет, Генри, это самое малое, что я могу сделать. Самое малое. Я позвоню ему прямо сейчас. Его зовут Дэвид. Дэвид Томсен.

Тем утром я был в кухне с матерью, наблюдая, как она делает сырные оладьи. Неожиданно звякнул дверной звонок. Мать вытерла руки о фартук, нервно поправила концы завитых волос и сказала:

– Ах, это, наверное, Томсены.

– Кто? – спросил я, забыв про рекомендации Берди на прошлой неделе. – Какие еще Томсены?

– Знакомые, – с воодушевлением ответила она. – Друзья Берди и Джастина. Муж – физиотерапевт. Он будет работать с твоим отцом, попытается вернуть его в прежнюю форму. Она – дипломированный учитель. Будет учить вас дома, не очень долго. Согласись, что это просто здорово?

Я не успел попросить маму рассказать больше об этом стремительном и довольно шокирующем событии, потому что она открыла дверь. С отвисшей нижней челюстью я наблюдал, как они вошли в дом.

Первой вошла девочка, лет девяти-десяти. Черные волосы, стрижка под пажа, комбинезон с обрезанными штанинами, поцарапанные коленки, размазанный по щеке след шоколада. От нее веяло едва сдерживаемой энергией. Ее звали Клеменси.

Следом вошел мальчик моего возраста или чуть старше, белокурый, высокий, с темными мохнатыми ресницами, ка-

савшимися, казалось, его острых скул. Руки были засунуты в карманы шикарных синих шорт, на глаза спадала длинная челка, которую он легко смахивал, мотнув головой. Его звали Финеас. Как нам сказали, Фин для краткости.

За ними вошла их мать. Ширококостная, бледная, с плоской грудью, длинными светлыми волосами и на вид слегка нервная. Это, как я потом узнал, была Салли Томсен.

И, наконец, вошел отец этих детей – высокий, широкоплечий, подтянутый, загорелый, голубоглазый, коротко стриженный брюнет с полными губами. Дэвид Томсен. Он крепко сжал мою руку в своих ладонях.

– Рад познакомиться, молодой человек, – произнес он тихо и вкрадчиво.

Затем он отпустил мою руку, по очереди улыбнулся каждому из нас и сказал:

– Рад познакомиться со всеми вами.

* * *

В тот вечер Дэвид настоял на том, что пригласит нас всех на ужин. Был четверг, и все еще было тепло. Тем вечером я потратил уйму времени на то, чтобы придать своей внешности некий лоск, причем не просто так, как обычно, когда было достаточно убедиться, что моя одежда чистая, прическа в волосах ровный, а манжеты – прямые, но более стильным образом. Мальчик по имени Финеас очаровал меня не толь-

ко своей красотой, но и стилем одежды. Кроме синих шорт, он носил красную рубашку поло с белыми полосками на воротнике и ослепительно-белые кроссовки «Адидас» с белыми носками до щиколотки. В тот вечер я перерыл свой гардероб в поисках чего-нибудь столь же модного и спортивного. Все мои носки доходили мне до икр, только у моей сестры были носки по щиколотку.

А все мои шорты были из шерстяной ткани, а на всех моих рубашках имелись пуговицы. В какой-то момент я даже подумал, не надеть ли мне мой старый комплект спортивной формы, но быстро отказался от этой идеи, как только понял, что та с самого последнего урока все еще лежала, мятая, в моей сумке для физкультуры. В конце концов я остановился на простой синей футболке, джинсах и парусиновых туфлях на резиновой подошве. Я попытался зачесать непокорные волосы на брови, в подражание челке Финеаса, но они упорно сопротивлялись всем моим стараниям. Прежде чем выйти из комнаты, я смотрел на себя целых двадцать секунд, ненавидя свое ужасно глупое лицо, убогость моей футболки и унылый покрой моих джинсов John Lewis для мальчиков. Издав сдавленный рык, я пнул стену и направился вниз.

Фин был уже там, в коридоре, – сидел на одном из двух огромных деревянных стульев, стоявших по обе стороны от лестницы, и читал книгу. Прежде чем войти, я пару секунд смотрел на него сквозь балюстраду. Такого красивого, как он, я видел впервые в жизни. Я почувствовал, что мои щеки

горят, а сам впился взглядом в его лицо, особенно в изящный контур губ: те как будто были вылеплены из самой мягкой, самой красной глины так, что даже кончик пальца оставил бы на них отпечаток. Его кожа напоминала тонкую замшу, туго натянутую на острые скулы, отчего казалось, что они вот-вот пронзят ее. А восхитительный пушок под носом – легкий намек на будущие усы!

Он снова мотнул головой, смахивая с глаз челку, и, равнодушно посмотрев на меня, пока я спускался вниз, вновь устремил взгляд в книгу. Я хотел спросить его, что он читает, но не стал. Я чувствовал себя неловко, не зная, где мне встать и как. Впрочем, вскоре появились остальные: сначала мои родители, потом девочка по имени Клеменси, которая шла вместе с моей сестрой – они уже познакомились и весело болтали друг с дружкой, потом Салли, потом Джастин и Берди, и, наконец, заключенный в круг света, падавшего на верхнюю лестничную площадку, Дэвид Томсен.

* * *

Что мне рассказать вам про Дэвида Томсена с точки зрения моего детского восприятия? Наверно, то, что он был красив. Но не мягкой, почти женственной красотой, как его сын, а более традиционной. У него была плотная щетина, которая казалась нарисованной, мощный, красивой лепки лоб, животная энергия, несомненная сила. Любой, кто стоял ря-

дом с ним, невольно казался меньше, чем был на самом деле. Признаюсь честно, он в равной мере околдовывал меня и вселял в меня ужас. Скажу также, что в его присутствии моя мать вела себя странно, не кокетливо, а скорее более осторожно, как будто не доверяла самой себе. Он был одновременно напыщенным и приземленным, теплым и в то же время холодным. Я ненавидел его, но при этом понимал, почему другие его любят. Но все это было еще впереди. В тот первый вечер был тот самый первый ужин, когда все пытались показать себя с лучшей своей стороны.

* * *

Наша компания втиснулась за длинный стол ресторана «Челси китчен», рассчитанный только на восемь человек. Всех детей посадили за один конец стола, в результате чего я оказался локоть к локтю с Финеасом. Близость к нему привела меня в странное возбуждение: мои нервные окончания были наэлектризованы, а тело трепетало и жаждало чего-то такого, что мне по молодости лет было трудно понять. Так что у меня не было иного выбора, кроме как отвернуться от него.

Я посмотрел вдоль всей длины стола на моего отца, сидевшего во главе его.

При взгляде на него внутри меня как будто что-то оборвалось, словно ухнула вниз, на дно шахты, кабина лифта. Тогда

я не понимал, что это за чувство, но теперь могу с уверенностью сказать: это был жуткий момент предвидения будущего. Я видел, как в обществе великана Дэвида Томсена мой отец внезапно как будто стал ниже ростом, а его право на место во главе стола, некогда столь неоспоримое и безоговорочно признаваемое всеми, пошатнулось. Даже не считая последствий инсульта, все за столом были умнее его, и я тоже.

Оделся он по-дурачки – в слишком тесный пиджак с темно-розовым платком в нагрудном кармане, который явно не гармонировал с его рыжими волосами. Я видел, как он ерзает на своем стуле. Видел, как разговор проносился над его головой, как облака в ветреный день. Видел, как он изучал меню дольше, чем было необходимо. Видел, как Дэвид Томсен наклонился через стол к моей матери, чтобы что-то ей сказать, а затем вновь откинулся назад, наблюдая, как она отреагирует.

Я видел все это, видел, и на каком-то подсознательном, но невероятно болезненном уровне уже понимал: у меня прямо под носом началась борьба за власть и уже тогда, в тот нулевой момент, мой отец проиграл.

15

В понедельник утром Либби опаздывает на работу на двадцать минут. Дайдо удивленно смотрит на нее. Не в привычках Либби опаздывать на работу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.